

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник научных статей

Минск МГЛУ
2021

УДК 811.4+811.5
ББК 81.6+81.7
В74

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1 (56) от 20.01.2020 г.

Редакционная коллегия: П. П. Глазко (*ответственный редактор*), Н. В. Дардыкова, В. П. Толстой

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент С. Е. Олейник (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент А. К. Шевцова (МГУ им. А. А. Кулешова)

Вопросы востоковедения: сб. науч. ст. / редкол.: П. П. Глазко В74 (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2021. – 2,34 Мб.

ISBN 978-985-28-0014-3

Сборник содержит статьи преподавателей и аспирантов Минского государственного лингвистического университета. Рассматриваются актуальные вопросы фонетики, грамматики, лексикологии, литературоведения, страноведения, теории и практики преподавания восточных языков.

Адресуется лингвистам, специалистам в области межкультурной коммуникации и перевода, а также студентам, изучающим восточные языки.

УДК 811.4+811.5
ББК 81.6+81.7

ISBN 978-985-28-0014-3

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдулхамид О. М.</i> Языковые особенности структурных частей официального веб-сайта университета (на примере главной страницы)	4
<i>Аль-Караави А. Х. Х.</i> Роль современных средств и образовательных технологий в учебном процессе	9
<i>Дардыкова Н. В.</i> Грамматикализация причастных конструкций в турецком языке	16
<i>Дмитренко А. М.</i> Актуализация невербальных средств коммуникации в художественном тексте (на материале арабского языка)	21
<i>Дудинская Е. И.</i> О некоторых особенностях языка и культуры Японии и связанных с ними ошибках студентов	27
<i>Ефремова Л. С.</i> Англицизмы в корейском языке	43
<i>Зангабади Д.</i> Художественное своеобразие романа Хамы Карима Арефа «Кровавый уход»	51
<i>Лашукевич С. А.</i> Фонетическая адаптация заимствований в турецком языке	61
<i>Медюлянова В. А.</i> Бенефактив как косвенное средство персонального дейксиса в японском языке	68
<i>Саад М. М. Р.</i> Из истории востоковедения на Аравийском полуострове	73
<i>Толстой В. П.</i> О трудностях в изучении японского языка для русско-, белорусскоговорящих обучающихся	78
<i>Ханда Михо.</i> Практика проведения совместных занятий между японскими и белорусскими студентами в рамках курса изучения японского языка	84
<i>Хассан Шали Н. А.</i> Шахрияр и жанровые разновидности его произведений	92
<i>Храмцова А. И.</i> К вопросу о частых ошибках в употреблении корейских глаголов перемещения, допускаемых русскоговорящими студентами	96

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНЫХ ЧАСТЕЙ
ОФИЦИАЛЬНОГО ВЕБ-САЙТА УНИВЕРСИТЕТА
(на примере главной страницы)

В статье рассматриваются языковые особенности структурных частей главных страниц официальных веб-сайтов учреждений высшего образования. На основе выборки эмпирического материала рассматриваются особенности распределения вербально оформленной информации в отдельном структурном блоке страницы, а также определяются языковые средства, используемые для наполнения контента главных страниц сайтов Багдадского университета и Минского государственного лингвистического университета.

Современная веб-страница университета имеет определенного рода контент, или содержание сайта, включающий в себя различные тексты, изображения (фотографии, картинки), таблицы, ссылки и охватывающий как самую общую и актуальную информацию об университете, распределенную по разделам, так и специфическую, направленную на определенного пользователя (студента, преподавателя, партнеров и др.). Одной из особенностей такого контента является его огромный объем, «вес» и разнообразие способов подачи информации [1, с. 32].

Значительное место отводится вербально определенному контенту, так как язык организует, оформляет и представляет наши знания об окружающем мире. Мы создаем текст, для того, чтобы описать некоторую ситуацию и выразить наше отношение к ней. Если мы обратимся к веб-странице, то увидим комбинацию текстов, взаимодействующих в рамках одной страницы – основной линейный текст и совокупность гиперссылок – высказываний, направляющих посетителя к другим веб-страницам, представляющим дополнительную информацию по теме [2, с. 8–15].

Весь контент распределен по структурным частям веб-сайта, который предоставляет собой целостную, концептуально обоснованную и структурно выстроенную систему, объединяющую в себе взаимосвязанные структурные компоненты, содержание которых подчинено общей идее и выражено в конкретной семантике [3].

Основой веб-сайта является его структура, которая требует определенного расположения контента. Как правило, главная страница веб-сайта состоит из трех блоков: верхний (*header*), который может также включать в себя блок, расположенный сбоку, основная рабочая область (*work area*) и нижний блок (*footer*). Каждый блок несет свою функциональную нагрузку

для информирования пользователя, имеет специфическое оформление и объем, вследствие чего интересным представляется возможность проследить особенности распределения вербально оформленного контента в отдельном структурном блоке информации, а также определить языковые средства, используемые для наполнения контента.

Материалом послужило информационное наполнение главных страниц веб-сайтов вузов, оформленное разноструктурными языками: арабским – сайт Багдадского университета (далее БУ) и русским – сайт Минского государственного лингвистического университета (далее МГЛУ).

Одним из ключевых структурных элементов сайта выступает *навигационное меню*, расположенное в его верхней части, основной целью которого является наиболее полное и доступное предоставление посетителю интересующей его информации через вербально оформленную ссылку, которая представляет собой определенного рода номинацию. Лингвистическое оформление навигационных компонентов меню напрямую зависит от языка, на котором создан сайт (таблица).

Как показал анализ, в качестве названий рубрик навигационного меню веб-сайтов БУ и МГЛУ используются полнозначные лексические единицы и синтаксические номинации. Но необходимо отметить, что определенный способ номинации имеет различную степень распространенности на исследуемых сайтах. В целом, на сайте МГЛУ названия рубрик представлены, как правило, полнозначной лексической единицей (*Главная, Образование, Спорт*), в то время как на сайте БУ отмечается лишь один случай использования лексемы в качестве средства номинации (*الارشيف* ‘Архив’).

Т а б л и ц а

Использование морфологических и синтаксических единиц
в названии рубрики навигационного меню

Способы номинации	Сайт	
	БУ	МГЛУ
Полнозначные лексические единицы	1	12
Синтаксические номинации:	26	6
1) свободные словосочетания	15	4
2) простые именные предложения	11	2

Следует отметить достаточно широкое использование синтаксических номинаций для названий рубрик меню, исследуемых главных страниц. Данный способ широко представлен на сайте БУ, где более половины рубрик навигационного меню представлены свободными словосочетаниями, в частности согласованным определением *الصفحة الرئيسية* 'Главная страница'. Особенностью сайта БУ является широкое использование в навигационном меню идафы, несогласованного определения, что обусловлено морфологическими характеристиками арабского языка, так как это словосочетание, в котором одно имя существительное определяется другим именем в родительном падеже. Последнее уточняет, разъясняет или ограничивает значение первого [4, с. 50], например *متحف الجامعة* 'Музей университета', *مكتبة الجامعة* 'Библиотека университета'.

Отдельные рубрики навигационного меню на арабоязычном сайте являются простыми односоставными предложениями, например: *إتصل بنا* 'Связаться с нами', *عن الموقع الإلكتروني للجامعة* 'О веб-сайте университета'.

Синтаксические номинации в качестве названий рубрик навигационного меню на сайте МГЛУ представлены аналогично как свободными словосочетаниями (*Приемная комиссия*), так и простыми именными предложениями (*Студенту, Абитуриенту*), хотя и в меньшей мере.

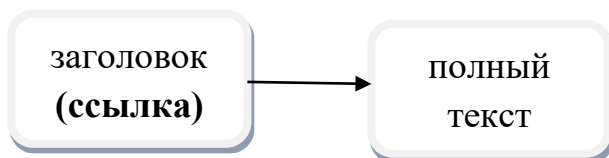
Семантика пунктов навигационного меню эксплицитно отсылает либо к подрубрикам древовидного навигационного меню, объединенным общей идеей, либо к самому тексту по тематике. Анализ названий разделов навигационного меню главных страниц, языковые средства эксплицируют макроструктуру всей представленной на сайте информации, которая в целом коррелирует, ср.: *عن الجامعة* 'Об университете' – *جامعة*, *الصفحة الرئيسية* 'Главная страница' – *Главная*, *الطلبة والخريجون* 'Студенты и выпускники' – *Студенту*, *إتصل بنا* 'Связаться с нами' – *Контакты*.

Вместе с тем следует отметить относительное разнообразие количества рубрик, на которые подразделяется навигационное меню исследуемых веб-страниц (27 рубрик представлено на сайте БУ и 18 рубрик – на сайте МГЛУ), отражающих специфику функционирования университета или его структуры. Так, на главной странице БУ можно найти такие рубрики, как: *براءات الاختراع* 'Патенты', *البث المباشر* 'Прямой эфир', а в навигационном меню МГЛУ отмечаются следующие: *Иностранному абитуриенту*, *Платные услуги* и др.

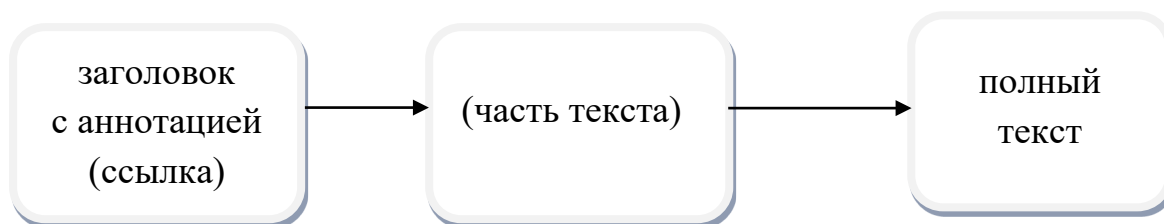
Основной контент на главной странице размещен в основной рабочей области (*work area*), представляющей собой сочетание графики и текстовых сообщений. Так, представляемая на главных страницах двух университетов информация группируется по блокам, поскольку именно большие блоки информации находятся быстрее мелких, которые в свою очередь подвергаются дальнейшей детализации [5, с. 220].

Отдельный квант информации в блоке, как правило, вводится заголовком, который сопровождается невербальным наполнением (фото, картинка, изображения и др.) и в отдельных случаях аннотацией либо частью текста. Полная схема развертывания электронного текста может быть представлена двумя моделями.

Первая модель:

Вторая модель:

Модели схемы развертывания электронного текста

Следует отметить своеобразие подачи информации на двух сайтах. Если на электронной странице МГЛУ мы можем встретить в равной доле заголовки без аннотаций или сопровождаемые аннотациями и даже блок новостей, полностью представленный невербальными средствами, то на сайте БУ отдельный раздел информации представлен заголовком, который сопровождается аннотацией.

Значительное пространство на главных страницах БУ и МГЛУ отводится новостному блоку, при этом на сайте БУ представлены два блока: блок новостей университета, блок разных новостей. Как правило, заголовки новостного сообщения максимально информативны и завершены в семантическом плане, предлагая читателю представление о содержании текста, например на сайте БУ, *تهنئة الجامعة بعيد الجيش* 'Поздравление университета в День армии', *وفد من وزارة الخارجية في ضيافة جامعة بغداد* 'Делегация МИДа в гостях Багдадского университета', а на сайте МГЛУ: *Визит посла Туркмен.....* Для привлечения внимания использованы эксплицитные средства, и по таким заголовкам читателю легко определить не только содержание, но и тему материала.

Выявлено, что эксплицитные заголовки могут выполнять номинативную, информативную и рекламную функции, однако на первое место чаще

всего выдвигается информативная, ср. на сайте БУ الكافتريات التابعة لمديرية الاقسام الداخلية مناقصات ‘Тендер на аренду столовых, принадлежащих управлению общежития’.

Вместе с тем заголовок воплощает в себе принцип ориентации на экспрессию и стандарт в концентрированном виде и содержит не только сообщение в явной форме, но и некий скрытый смысл. Как и всякий другой вид имплицитности, моделируемый скрытый смысл расширяет и углубляет эксплицитный смысл текста [6, с. 101]. Например, на сайте БУ заголовок *بي عيون جامعتنا الاهوار* ‘Болота в глазах нашего университета’ или на сайте МГЛУ заголовок *Беларусь “Без границ”* не раскрывают ни содержание текста, ни тему материала.

Нижний блок веб-страницы университета включает в себя, как правило, статическую информацию (контактная информация, сведения об авторе и владельце веб-сайта и т.д.), а также дублируются некоторые рубрики из навигационного меню. Следует указать на различие объемов контента, размещенного в нижнем блоке. Так, на сайте БУ, помимо невербальных средств (символы, пиктограммы и др.), представлено большее количество ссылок (пункты навигационного меню), в сравнении с нижним блоком главной страницы сайта МГЛУ.

Таким образом, распределение вербально оформленного контента главной страницы сайта учреждения высшего образования определяется ее структурными особенностями. Названия рубрик навигационного меню и нижней части страницы могут быть представлены как лексически, так и семантически оформленными (словосочетаниями и простыми номинативными предложениями) единицами, которые отражают макроструктуру всей представленной на веб-сайте информации. Основная часть главной страницы, как правило, содержит заголовки, которые характеризуются эксплицитной направленностью на информирование читателя о содержании последующего сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко, Д. А. Эффективность веб-сайтов высших учебных заведений / Д. А. Шевченко, Ю. В. Локтюшина // Методика оценки конкурентоспособности сайта вуза в Интернете: учеб. пособие / Д. А. Шевченко, Ю. В. Локтюшина. – М.: ННОУ «МИПК», 2014. – С. 32.
2. Атабекова, А. А. Употребление языка в процессе сообщения знаний на пространстве web-страницы / А. А. Атабекова // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: науч. тр. / Вестн. Рос. коммуникативной ассоц.; под ред. И. Н. Розиной. – Ростов н/Д : ИУБиП, 2002. – С. 8–15.

3. *Хуторской, А. В.* Образовательный сайт / А. В. Хуторской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studopedia.ru/15-61666-kak-sozdat-svoju-obrazovatelnyj-sajt.html> . – Дата доступа: 16.01.2017.
4. *Ибрагимов, И. Д.* Интенсивный курс арабского языка: учеб. пособие / И. Д. Ибрагимов. – М., 2007. – С. 50.
5. *Калиновский, А. И.* Юзабилити: как сделать сайт удобным / А. И. Калиновский. – Минск : Новое знание, 2005. – 220 с.
6. *Лютая, А. А.* Структурные особенности и прагматическая роль современных газетных заголовков / А. А. Лютая. – Волгоград, 2007. – С. 101.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. www.uobaghdad.edu.iq
2. www.mslu.by

The article deals with linguistic peculiarities of structural parts of university web site home pages. The results of the analysis elucidate language means typically used on web- site home pages of Baghdad University and Minsk State Linguistic University.

А. Х. Х. Аль-Караави

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена роли современных средств обучения в процессе изучения языка. Детально рассмотрены затруднения, возникающие при использовании современных средств, показана реальная картина использования образовательных технологий в преподавании языка. В статье представлены данные опроса студентов и преподавателей на различных факультетах, проведенного с целью выявления их отношения к использованию технических средств обучения на занятиях.

Мир сталкивается с возрастающим количеством новых вызовов в результате стремительных изменений в различных областях, в частности в научно-технической. Этот процесс характеризуется все большим ускорением темпов модернизации. Такое развитие помогло внедрить ряд механизмов и средств в учебный процесс, что стало важным этапом и существенным дополнением к образовательному процессу. Развитые страны поспешили сделать образование центром внимания и приоритетов, и дело в том, что конкуренция в мире затронула и образовательную сферу. Реальное решение проблемы

информационной революции заключается не в увеличении содержания, а в обеспечении студента информационными навыками. И на фоне этого широкого технологического и когнитивного развития стало необходимым для учреждений пересмотреть использование современных образовательных методов и технологий с целью повышения уровня их результативности.

По мнению знаменитого советского ученого Л. С. Выготского, высказанному в своей работе «Мышление и речь», обучение и развитие не совпадают непосредственно, а представляют собой два процесса, находящиеся в очень сложных взаимоотношениях. Ученый отмечает, что «обучение только тогда хорошо, когда оно идет впереди развития». Тогда оно пробуждает и вызывает к жизни целый ряд функций, находящихся в стадии созревания, лежащих в зоне ближайшего развития. В этом и заключается главная роль обучения в развитии [1, с. 252].

Следует отметить, что для того, чтобы наблюдать за развитием в области образования, необходимо совершенствовать личность студента и повышать его умственное развитие, стимулировать его внутреннюю и внешнюю деятельность и внедрять новые возможности в образовательные системы, в частности технические средства обучения.

Опираясь на исследования К. А. Бессонова, с уверенностью можно сказать, что развитие образовательных процессов может быть реализовано только на основе интенсивного интерактивного обучения, органично сочетающего в себе достоинства более ранних традиционных методик преподавания с возможностью применения современных механизмов и средств на занятиях [2, с. 88].

По мнению Е. Н. Солововой, в современном учебном процессе невозможно обойтись без технических средств обучения не только на уроке иностранного языка, но также и на уроке родного языка. Автор пишет, что механическое увеличение использования разнообразных технических средств обучения ещё не означает хорошего качества. Однако, если преподаватель не использует на занятиях ничего, кроме вопросно-ответных упражнений, чтения вслух, перевода и механического пересказа прочитанного, то вряд ли такой стиль будет способствовать повышению мотивации учения и реальному формированию коммуникативной компетенции [3, с. 37–54].

Как считает В. Е. Пешкова, с помощью средств обучения в учебном процессе решаются следующие задачи: увеличение информативной емкости содержания образования; повышение эффективности процесса обучения; расширение возможности проникновения в различные области научного знания; ускорение передачи научной информации, связанной с интенсифи-

кацией процесса обучения; влияние на развитие учащихся. Вместе с тем применение средств обучения повышает наглядность в обучении. К тому же научно доказано, что только 15 % информации запоминается при слуховом восприятии, 25 % – при зрительном и 65 % – при одновременно слуховом и зрительном [5, с. 54].

В. Е. Гусева и др. утверждают, что одна из причин появления современных средств обучения заключается в том, что традиционная дидактическая система оказывается недостаточной для решения задач модернизации образования, и поэтому еще в 60-х гг. XX в. начались поиски путей ее совершенствования и в первую очередь методов обучения в направлении активизации учебной деятельности учащихся с целью повышения уровня ее результативности [6, с. 4].

П. И. Пидкасистый к средствам обучения относил материальные или идеальные объекты, которые используются учителем и учащимися для усвоения новых знаний. Они составляют базисную категорию методики.

Существует комплекс учебных пособий и технических приспособлений, с помощью которых осуществляется управление деятельностью преподавателя по обучению языку и деятельностью учащихся по овладению языком [7, с. 167; 4, с. 291]. Таким образом, средства обучения делятся на *простые и сложные*. К простым средствам относятся учебники, модели, диаграммы, печатные пособия, картины, карты, учебные предметы. К сложным средствам относятся механические аудиальные (слуховые), визуальные (зрительные), аудиовизуальные (зрительно-слуховые) средства обучения, дидактические машины, лингафонные кабинеты, компьютеры. В основном к сложным относятся технические средства обучения [8, с. 28; 9, с. 22].

Исследователь З. Н. Никитенко заметил, что средства обучения выступают как способ увеличения эффективности процесса обучения и их использование позволяет создавать на занятиях подлинно коммуникативную обстановку и моделировать реальные ситуации общения [10, с. 13–121].

Таким образом, диалогическая форма общения создаёт особые взаимоотношения между преподавателями и студентами, также моделирует ситуации общения и развивает саму познавательную деятельность.

Следует также отметить, что труды многих арабских авторов (Хуссейн аль-Тобаджи, Абдул Азиз аль-Акили, Али Абдель-Монейм, Мухаммед Али ас-Сайед, Абдель-Азим аль-Фарджани, Абдул Рахман аль-Шаер, Мохамед аль-Хилла и др.) подтверждают, что взаимоотношения между преподавателями и студентами рассматриваются как коммуникативный процесс. В то же время в коммуникативной учебной ситуации, когда преподаватель объясняет

материал, аудиоустройство для него является первым инструментом в канале связи, а затем сообщения в эфире (средство обучения) – это уже второй инструмент, затем слуховые устройства для студентов являются третьим инструментом [11].

Мы считаем, что каналы связи не могут быть изолированы от языка общения. Дело в том, что взаимоотношения между преподавателями и студентами являются интерактивными и интегративными. В то же время языки представляют собой сочетание взаимодействия идей и средств передачи, так как их невозможно отделить друг от друга.

Следовательно, интерактивным общением называется сложный, многоплановый социально-психологический процесс установления и развития контакта между преподавателем и студентом, порожденный потребностью в совместной деятельности, коммуникации и включающий обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека. Таким образом, общение реализуется в данном случае в виде сигналов от управляющего (преподаватель) к объекту (студент). Чем больше задействовано сигналов, тем более действенным будет передаваемое сообщение [14, с. 121; 12, с. 234].

Несомненно, путь к взаимодействию невозможен без устойчивой обратной связи преподавателя со студентами. Под обратной связью понимается коммуникативная деятельность, направленная от преподавателя к студенту и наоборот. Ее цель заключается в передаче информации от преподавателя к студентам, т.е. ‘прямая связь’. Также каждый студент воспринимает информационный поток преподавателя, выражает к нему личное отношение, которое проявляется через индивидуальные психоэмоциональные реакции. Следовательно, благодаря каналу обратной связи студенты могут взаимодействовать с преподавателем. В случае отсутствия обратной связи, взаимодействие между преподавателем и студентом не даст хороших результатов [2, с. 74; 13, с. 154].

По вопросу применения современных методов при изучении второго иностранного языка был проведён опрос среди студентов Минского государственного лингвистического университета. В нем участвовали студенты четвертых курсов факультета межкультурных коммуникаций (ФМК), факультета английского языка (ФАЯ) и студенты третьего курса переводческого факультета (ПФ).

Необходимо отметить, что в каждой из вышеуказанных групп, студенты были разделены на две группы: А и Б. Их тестировали с использованием современных методов обучения (ментальных карт). Цель заключалась в том,

чтобы выявить, помогают ли современные средства в запоминании новых слов. Группа (А) была тестирована с использованием ментальных карт, а группа (Б) – обычным способом при запоминании новых слов (рис. 1).

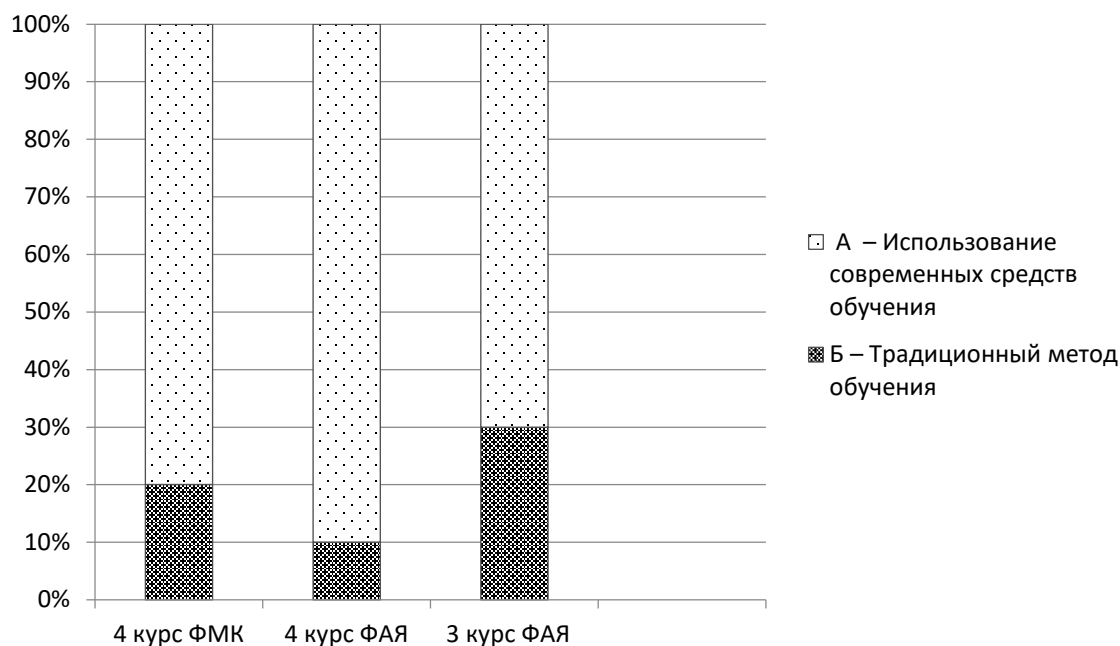

Рис. 1. Использование ментальных карт в процессе запоминания новых слов при изучении второго иностранного языка

В результате эмпирического исследования были получены следующие результаты: 80 % – запоминание слов с использованием ментальных карт у студентов 4 курса ФМК и 20 % – запоминание обычным способом. Студенты 4 курса ФАЯ продемонстрировали эффективность запоминания в 90 % с помощью ментальных карт и 10 % – используя обычный способ. Студенты 3 курса ПФ с помощью ментальных карт усвоили 70 % новых слов, а с использованием обычного способа – 30 %. Когда использовался обычный способ запоминания новых слов, то во всех группах были получены минимальные проценты: 10 %; 20 %; 30 %. Тем не менее студенты часто предпочитают традиционный способ, объясняя это следующим:

- Ментальная карта может потребовать много времени и усилий.
- Некоторым студентам сложно создавать ментальные карты, потому что не все иностранные слова идентичны с таковыми на родном языке.

Все преподаватели, участвовавшие в опросе, использовали современные средства обучения и технологии. В результате исследования были получены следующие результаты: визуальные (зрительные) средства активно используются на занятиях у 45 % преподавателей, 33 % положительно относятся к использованию аудиовизуальных (зрительно-слуховые) средств и только 22 % преподавателей используют аудитивные (слуховые) средства в процессе обучения языку (рис. 2).

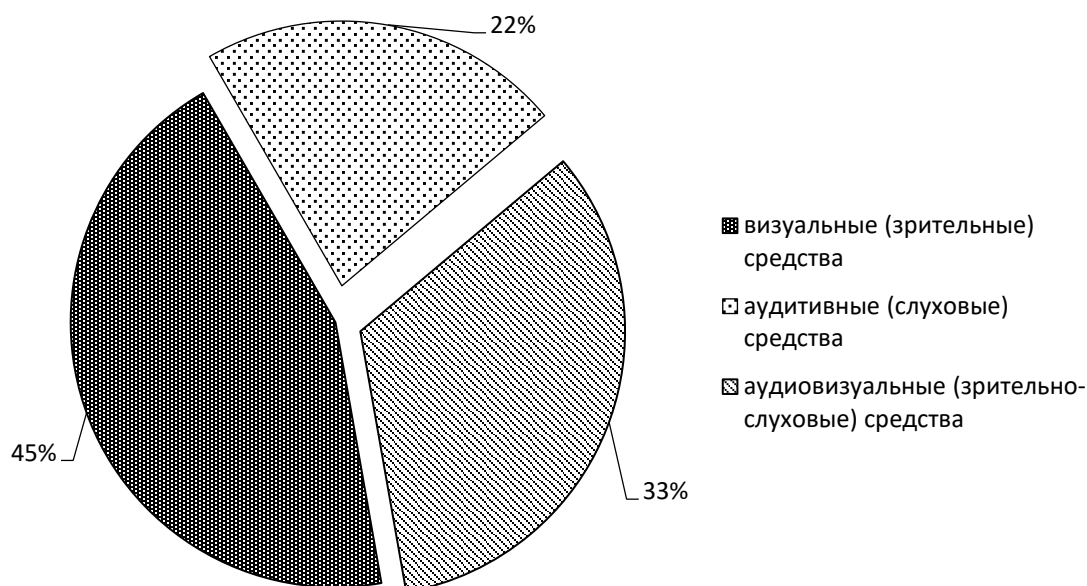

Рис. 2. Структура использования преподавателями различных средств

Также в рамках опроса был рассмотрен вопрос, касающийся цели применения новейших средств на занятиях. При этом все преподаватели считают, что современные средства обучения способствуют развитию речевой деятельности (аудирование, чтение, письмо, говорение), повышают мотивацию к изучению иностранного языка.

Также были рассмотрены возможные проблемы, которые могли возникнуть при использовании современных средств обучения на занятиях. Полученные результаты отражены на рис. 3.

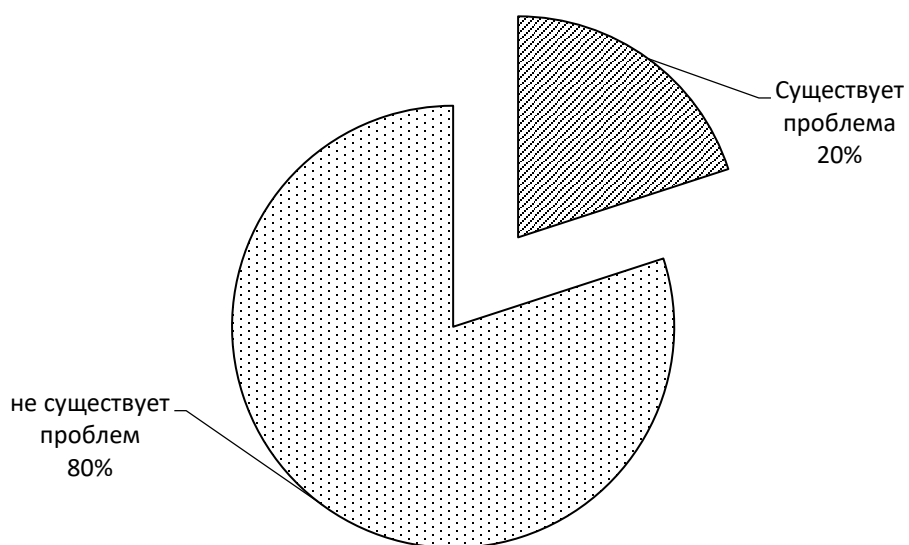

Рис. 3. Вероятность возникновения проблем при использовании современных средств обучения

80 % преподавателей положительно относятся к использованию современных средств обучения, 20 % из них выделили проблемы, связанные с материально-техническим обеспечением. Среди них были названы следующие: в аудиториях старые деревянные доски, мелом писать неудобно, пластиковые доски тоже старые, на них часто пишут перманентными маркерами, которые не стираются, нет бесплатных маркеров для пластиковых досок, зато много ненужного мела. Также мало аудиторий, где есть экраны с возможностью подключения ноутбука, часто стоят старые экраны, которые конфликтуют с ноутбуками.

На основании полученных результатов исследования можно сделать вывод, что использование современных образовательных методов повышает уровень образования и увеличивает его эффективность. А также эффективно для закрепления и углубления знаний студентов, проверки приобретенных знаний и навыков. Вместе с тем положительный эффект от применения современных средств обучения в процессе обучения языку невозможен без устойчивой обратной связи преподавателя со студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский; под ред. В. В. Давыдова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1982. – 504 с.
2. *Бессонов, К. А.* Обратная связь в педагогическом союзе преподавателя и студента: педагогика взаимодействия / К. А. Бессонов // *Juvenis scientia*. – 2016. – № 2. – С. 86–89.
3. *Соловова, Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций : учеб. пособие для студ. пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 2006. – 239 с.
4. *Азимов, Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
5. *Пешкова, В. Е.* Педагогика. Теория обучения (дидактика) : учеб. пособие / В. Е. Пешкова. – 4-е изд. – М. : Майкоп, 2010. – 148 с.
6. *Гусева, В. Е.* Педагогические технологии в профессиональном учебном заведении : учеб. пособие / В. Е. Гусева [и др.]; под ред. О. Б. Епишевой. – М. : Изд-во ТюмГНГУ, 2010. – 204 с.
7. *Пидкасистый, П. И.* Педагогика : учеб. пособие / П. И. Пидкасистый; под ред. П. И. Пидкасистого. – 3-е изд. – М. : Пед. общ-во России, 1998. – 640 с.

8. Волохова, Е. А. Педагогика : конспект лекций для студентов педагогических вузов / Е. А. Волохова . – М. : Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 250 с.
9. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
10. Никитенко, З. Н. Теория и практика обучения иностранным языкам в начальной школе: учеб. пособие / З. Н. Никитенко, Н. Д. Гальскова. – М. : Ассоц. XXI век, 2007. – 176 с.
11. Гадир, А. М. Средства обучения [Электронный ресурс] / А. М. Гадир // Королевство Саудовская Аравия; ун-т Умм Аль Кура. – Режим доступа : https://drive.uqu.edu.sa/_/gamehmedi/files/ttt.pdf. – Дата доступа : 01.02.2019.
12. Нэпп, М. Невербальное общение : учебник / М. Нэпп, Дж. Холл; пер. с англ. – 6-е изд. – СПб. : Прайм-Еврознак. – 2004. – 256 с.
13. Смирнов, С. А. Применение Moodle 2.3 : учеб. пособие для организации дистанционной поддержки образовательного процесса / С. А. Смирнов. – М. : Изд-во «Школа будущего», 2012. – 182 с.
14. Галкина, И. А. Организация педагогического взаимодействия преподавателя и студентов как фактор повышения эффективности учебного процесса / И. А. Галкина, С. М. Редлих: публикация ВАК РФ // Сибир. пед. журнал. – 2008. – № 12. – С. 130–138.

The article is devoted to the role of modern teaching aids in the language learning process considering in detail the difficulties arising from the use of modern tools in learning the language.

Н. В. Дардыкова

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматикализация является сложным процессом, в течение которого вспомогательный глагол в составе аналитических конструкций с причастием проходит изменения в фонетико-фонологической, семантической и морфосинтаксической сферах. В статье рассматриваются особенности становления причастных конструкций с глаголами *er-* ‘доходить, достигать’, *bol-* ‘быть, существовать, полностью находиться’, *tur-* ‘подниматься, вставать’ с древнетюркского периода по настоящее время.

Теория грамматикализации является важным этапом в развитии функционального направления в языке. Достижения в этой сфере позволяют по-новому взглянуть на развитие языковых единиц, пересмотреть их положение в системе языка. Впервые термин «грамматикализация» был упомянут

в статье А. Мейе «Эволюция грамматических форм» (1912) [1, р. 133]. На современном этапе под грамматикализацией понимается процесс перехода лексических форм в грамматические, а грамматических – в более грамматические формы (см., напр. [2, р. 529]). Грамматикализироваться может любая языковая единица (морфема, синтаксическая конструкция, дискурсивная единица и т.д.), а сам процесс продвижения данной единицы по шкале грамматичности связан с изменениями в фонетико-фонологическом, семантическом и морфосинтаксическом аспектах.

В **фонетико-фонологическом** аспекте грамматикализуемая единица претерпевает фонологическую редукцию (т.е. утрату фонем или целых слогов, ослабление просодических характеристик фонем), а также фонетическую фузию. Конечным же итогом процесса грамматикализации является полное исчезновение показателя как такового. Как правило, изменениям на фонетико-фонологическом уровне предшествует увеличение частотности употребления конструкции [3, р. 603–605, р. 615–617].

К изменениям в **семантическом** аспекте относятся десемантизация и генерализация языковой единицы [4, р. 5, р. 24–25].

Под десемантизацией понимается постепенный процесс утраты значения. Примером может послужить грамматикализованная форма *nolur*, образованная от турецкой конструкции *ne olur* ‘пожалуйста’, которая в процессе грамматикализации утратила свое исходное значение ‘во что бы то ни стало’ и начала использоваться для переспроса, уточнения количества, качества либо местонахождения.

Генерализация конструкции представляет собой расширение контекстов ее употребления. В ходе этого процесса некоторые компоненты значения могут утрачиваться, т.е. происходит семантическая редукция, либо, наоборот, может происходить появление новых значений, т.е. расширение сферы действия исходной конструкции. В качестве примера может выступить расширение значения локативного глагола *durmak* ‘стоять’ и превращение его в служебный глагол, выражающий многократность и длительность действия в турецком языке – *bakıp durmak* ‘продолжать смотреть’, *söyleyip durmak* ‘все время говорить’.

Морфосинтаксические изменения, как правило, следуют за семантическими. В ходе морфологических изменений полнозначная лексема становится модификатором, сначала в качестве автономного служебного слова (типа вспомогательного глагола), затем в качестве слабоавтономной единицы (типа клитики), затем в качестве аффикса происходит процесс постепенной утраты автономности (процесс морфологизации) [5, с. 20]. Другим важным процессом является так называемая синтактизация, т.е. фиксация синтаксической позиции единицы и сферы ее действия.

В нашей статье рассматриваются особенности грамматикализации вспомогательного глагола в аналитических конструкциях с причастием (далее АКП) в турецком языке.

АКП представляют собой сочетания причастной формы, состоящей из полнозначного либо вспомогательного глагола с причастным аффиксом и вспомогательного глагола в необходимой форме. В нашей статье для более удобного различения эти формы будут описаны с точки зрения причастного аффикса. Например, формы на *-mİş*: *gelmiş olan* ‘пришедший’, *vermiş olduğun* ‘тот, который ты отдал’ и т.д. Источником фактического материала послужили 1 890 контекстов, взятых из научных монографий, статей лингвистических журналов, отчетов об археологических командировках, а также примеры из художественных произведений.

Парадигму АКП в турецком языке составляет только часть причастных конфигураций: формы на *-AsI* вообще не участвуют в образовании аналитических конструкций, формы на *-Dİk*, *-An* употребляются только в составе вспомогательного глагола (адъективная функция), формы на *-AcAk*, *-mİş* употребляются как со вспомогательными, так и полнозначными глаголами, а формы на *-mAz*, *-Ar/-Ir* употребляются только с полнозначным глаголом. Исследование грамматикализации АКП предполагает изучение их развития в течение трех периодов: древнетюркского, среднетюркского и новотурецкого, т.к. первые письменные памятники появились только в VIII в. (что соответствует середине древнетюркского периода).

Грамматикализацию аналитических конструкций в первую очередь принято связывать со становлением вспомогательного глагола. В течение древнетюркского периода АКП составляли три вспомогательных глагола: *er-* ‘доходить, достигать’, *bol-* ‘быть, существовать, полностью находиться’, *tur-* ‘подниматься, вставать’. В этот период положение вспомогательного глагола по отношению к причастию являлось свободным [6, p. 57; 7, p. 87–88].

Глагол *er-* ‘доходить, достигать’ имел ограниченную сочетаемость (только древнетюркские причастия на *-DAđI*, *-gU/- kU*, *- mAz*, *- mİş*, *- Er/ -r/- Ur*, *-yUk* [6, p. 81, 110, 142, 153, 161, 175]) и с течением времени был вытеснен глаголом *tur-* ‘подниматься, вставать’. До нашего времени этот глагол сохранился только в составе фразеологических сочетаний типа *sona ermek* ‘закончиться, подойти к концу’ [6, s. 155].

Tur- ‘подниматься, вставать’ в качестве вспомогательного глагола в АКП изначально употреблялся в 3-ем лице настоящего-будущего времени, по мере расширения сферы своего употребления этот глагол начинает использоваться в форме 1-го и 2-го лица настоящего-будущего времени [6, s. 57]. В среднетюркском периоде наблюдается десемантизация и морфо-

логическая дегенерация глагола *tur-* ‘подниматься, вставать’. Так, в «Кодексе Куманикуса» (XIV в.) этот глагол уже употребляется как связочный: *bilmezler ne dirler* ‘они не знают, чем это является’. В новотурецком периоде он окончательно преобразуется в бытийную связку *-dir* [8, с. 54; 18]. Таким образом, становится возможным выделить следующие этапы его грамматикализации:

Полнозначный глагол > вспомогательный глагол > связочный глагол > связка.

Вспомогательный глагол *bol-* ‘быть, существовать, полностью находиться’ к XV в. претерпел фонетическую редукцию и превратился в *ol-* ‘быть’ [9, с. 343]. Изменения в фонетической сфере сопутствовали десемантизации [10, с. 61]:

Tâ ki şarap ehlinin şartın yerine getirmiş olarsın ve ol vakit sohbet halkı şaraptan esirmiş olalar [11, с. 127] ‘Дабы в результате ты **исполнил** условия гуляк и дабы тогда участники беседы **были пьяны** от вина’.

В синтаксической сфере в среднетюркский период наблюдается расширение функционального употребления АКП с глаголом *bol-* ‘быть, существовать, полностью находиться’, т.е. переход от позиции предиката к позиции обстоятельства [6, с. 57]:

Bolup toğmaduk teg yitip bardı cān [11, с. 15–22] ‘Душа **будто** вообще **не рождалась** – потерялась, ушла’. Конструкция употреблена в качестве обстоятельства образа действия и имеет значение сравнения. Действие же, выраженное конструкцией, находится в плоскости прошедшего времени. В данном предложении АКП *bolup toğmaduk* ‘не рождаться’ употреблена с послелогом *teg* ‘будто’.

В новотурецкий период продолжается синтаксическое расширение АКП с глаголом *bol-* ‘быть, существовать, полностью находиться’. Эти конструкции начинают употребляться в качестве развернутых определений, дополнений, предикатов, подлежащих. Наблюдается фиксация положения вспомогательного глагола по отношению к причастной форме [12, с. 223–225].

Mesela kendisinin orada durmakta olan ayak kaplarından birini eline alarak altını öpüverirdi [16, с. 40]. ‘Например, он брал в руки одну из своих туфель, **которые постоянно** там стояли, и быстро целовал подошву’.

Maamafih Nimet hanım efendinin yanlış görmüş olmaları da muhtemel [7, с. 151] ‘Вместе с тем вероятно и то, что госпожа Нимет-ханым **отнеслась** к этому не так, как надо’.

Изучение работ по грамматикализации и результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о корреляции между определенными классами исходных лексем и результатами процесса грамматикализации.

Так, типологические исследования показывают, что глаголы позиции чаще всего трансформируются в бытийные глаголы (см. подробнее [13]), в турецком языке этому соответствует развитие глагола *bol-* ‘быть, существовать, полностью находиться’. Грамматикализация конструкций с инхотативным значением является в целом характерной для алтайских языков [8, с. 125–126]. Турецкий глагол *tur-* ‘подниматься, вставать’ полностью десемантизировался и перешел в категорию связок. В случае с *er-* ‘доходить, достигать’ представляется возможным предположить, что причиной, по которой этот глагол почти полностью вышел из употребления, являлась изначальная ограниченная сочетаемость, отсутствие того, что можно назвать большей общностью значения (подробнее идея об этой особенности исходных лексем рассматривается в [14, р. 97]). В целом изучение грамматикализуемости языковых единиц, тех свойств и качеств, которые определяют потенциал их развития, представляет большой интерес для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Meillet, A. L'évolution des formes grammaticales / A. Meillet // Scientia. – 1912. – Vol. 26, № 6. – P. 130–148.*
2. *Heine, B. On contact-induced grammaticalization / B. Heine, T. Kuteva // Studies in Lang. – 2003. – Vol. 27, № 3. – P. 529–572.*
3. *Bybee, J. Mechanisms of change in grammaticalization: the role of frequency / J. Bybee // Handbook of historical linguistics / ed.: B. Joseph, R. Janda. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2003. – P. 602–623.*
4. *Bybee, J. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagluica. – Chicago : Chicago Univ. Press, 1994. – XXII, 398 p.*
5. *Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. А. Майсак. – М., 2002. – 287 л.*
6. *Eraslan, K. Eski Türkçe'de isim-fiiller / K. Eraslan. – İstanbul : İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1980. – 174 s.*
7. *Gabain, A. Eski Türkçe'nin grameri / A. Von Gabain ; çeviren M. Akalın. – Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. – 313 s.*
8. *Котвич, В. Исследование по алтайским языкам / В. Котвич ; пер. с пол.; общая ред. и предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 371 с.*
9. *Timurtaş, F. K. Eski Türkiye Türkçesi / F. K. Timurtaş. – Akçağ yayınları, 2005. – 378 s.*

10. *Akalın, M. Tarihi Türk şiveleri / M. Akalın. – Ankara : Sevinç matbaası, 1979. – 262 s.*
11. *Örneklerle tarama sözlüğü denemesi / Türk kamusu hazırlıklarından. – Ankara : Cumhuriyet Basımevi, 1942. – 351 s.*
12. *Кононов, А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов ; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 312 с.*
13. *Kuteva, T. On 'sit'/'stand'/'lie' auxiliation / T. Kuteva // Linguistics. – 1999. – Vol. 37, № 2. – P. 191–213.*
14. *Hopper, P. J. Grammaticalization / P. J. Hopper, E. C. Traugott. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993. – XXI, 256 p.*

The article addresses the development of auxiliary verbs in the participial analytical constructions in the Turkish language from the Old Turkic to the contemporary period. In particular the article dwells on the peculiarities of participial constructions with the verbs *er-*, *bol-* and *tur-*.

А. М. Дмитренко

АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале арабского языка)

Рассматриваются особенности языковой репрезентации невербальных средств коммуникации в художественном тексте на арабском языке. В результате проведенного анализа словарных дефиниций с опорой на контекстуальный способ, а также на метод количественных подсчетов было установлено соотношение невербальных средств разных типов (кинесических, фонационных, проксемических и описание внутренних реакций) в исследуемых текстах и выявлены способы их языкового выражения.

Человеческое общение очевидно реализуется не только посредством вербального языка. В процессе каждого отдельно взятого акта коммуникации адресат воспринимает и интерпретирует не только вербальные сообщения, поступающие к нему через слуховой канал восприятия, но и принимает информацию иного характера. Так, непосредственное присутствие собеседника в ситуации речевого общения обуславливает восприятие так называемых «невербальных» сообщений в процессе коммуникации: человек наблюдает за мимикой, жестами, телодвижениями собеседника, воспринимает и «дешифрует» интонационный узор речи, характеристики голоса и его изменения и т.д. В процессе коммуникации собеседник больше осознает и интерпретирует невербальное поведение говорящего, чем сам говорящий, так как значительная часть невербальных компонентов воспроизводится чело-

веком неосознанно. Иначе говоря, «невербальная информация может кодироваться и передаваться на подсознательном уровне, но, декодированная собеседником, способна нести важные сведения о чувствах, эмоциях, психологическом состоянии говорящего» [1, р. 219]. Таким образом очевидно, что объективно существует иная, невербальная, коммуникативная система, которая функционирует параллельно с вербальной.

Ввиду чрезвычайной функциональной значительности невербальной коммуникации, а также величины ее смысловой нагрузки в процессе человеческого общения, значительная часть компонентов невербальной коммуникации (НВК) находит отражение в вербальном языке. Частота же функционирования в языке лексических единиц, обозначающих НВК, указывает на значительный удельный вес данного пласта лексики, что в свою очередь свидетельствует о важности представления невербальных средств кодом вербального языка в речи и на письме для полноты передачи смысла сообщения и увеличения, таким образом, коммуникативной емкости последнего.

Актуальность темы данного исследования заключается в том, что в настоящее время возникла необходимость более широкого и всестороннего изучения коммуникативной системы каждого конкретного языка. Не только в лингвистике, но и культурологии, социологии и множестве других смежных гуманитарных наук исследователи осознают невозможность полного и глубокого охвата предмета исследования при изучении языка, национальной культуры, традиций, менталитета, если не уделяется должное внимание системе неязыковых средств коммуникации. В этой связи актуальность исследования специфики невербального поведения носителя языка определяется общей коммуникативной направленностью современной лингвистики, ее стремлением выйти за рамки статического описания отдельных как языковых, так и неязыковых структурных элементов.

Целью нашего исследования является изучение того, как элементы невербальной коммуникации находят отражение в вербальной сфере, а также исследование специфики отражения тех или иных её компонентов языковыми средствами.

Невербальные компоненты коммуникации (в лингвистической литературе также используется термин «паралингвистические компоненты» [2; 3]) – это комплекс коммуникативно значимых средств. В своем исследовании мы придерживались классификации, основанной на физической природе компонентов, при которой выделяются следующие типы: кинесические, фонационные, проксемические и внутренние реакции.

Кинесические невербальные компоненты – это жесты, мимика, телодвижения, поза, походка, обладающие коммуникативной ценностью.

Фонационные невербальные компоненты – это голосовые характеристики, такие, как сила голоса, высота, тембр, а также темп речи, сопровождающие вербальные, кинесические или проксемические сообщения. Проксемические невербальные компоненты – это пространственные параметры положения тела говорящего по отношению к собеседнику. Внутренние реакции – это внешние, телесные проявления реакций человеческого организма, такие, как слезы, покраснение, побледнение, пот и т.д., которые являются коммуникативно значимыми индикаторами психологических состояний [4, с. 3; 1, р. 219–221].

В качестве источника материала для исследования невербальных компонентов (далее – НВК) нами был выбран художественный текст. Этот выбор был обусловлен двумя причинами:

1) в художественном тексте, в отличие от образцов, представлены невербальные компоненты, уже отобранные из материала речевого общения, исходя из предположения, что «в первую очередь осознаются и отражаются средствами языка наиболее типичные, характерные для общества и значимые в процессе общения» НВК [5, с. 58];

2) сам факт отбора автором определенных невербальных компонентов и употребления их в тексте говорит об информативности таких средств, а также о типичности и характерности их для конкретного языкового коллектива.

По мнению ряда авторов [5; 6; 7; 8; 9], указания на невербальное поведение персонажей – неотъемлемая часть структуры художественных произведений, где их функцией являются «предельная конкретизация и индивидуализация образа, являющаяся одновременно средством обобщения и типизации; отражение всех форм национального языка; многоаспектность и многосубъектность изображения и т.д.» [6, с. 7].

Для выявления невербальных компонентов нами использовался метод дефиниционного анализа с целью идентификации невербальных компонентов и описания их качественных характеристик, а также метод количественного анализа для определения количественных характеристик невербальных единиц. Применялся также метод контекстуального анализа для выявления значения невербальных компонентов, подкрепляемый лингвокультурологическими сведениями.

На основании проведенного исследования мы сделали следующие выводы.

Во-первых, НВК различных типов представлены в текстах художественной литературы неравнозначно, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что важность каждого из этих типов НВК в процессе общения неодинакова, то есть не все они в равной мере способствуют выполнению коммуникативных

задач. Так, процент представленности кинесических средств от общего количества всей системы НВК составляет 50,6 %, а процент фонационных описаний – 37,2 %. Однако ввиду широкого спектра значений, передаваемых кинесическими, фонационными НВК и внутренними реакциями, невербальные средства этих типов в высшей степени многозначны. Проксемические НВК преимущественно однозначны в отличие от других типов НВК.

Во-вторых, большая часть кинесических НВК (86 %), все без исключения проксемические НВК и внутренние реакции отражаются в языке со стороны формы. Упор делается на двигательный аспект таких невербальных компонентов, поэтому при описании данных типов НВК используются преимущественно глагольные описания. Большинство же фонационных НВК (68,4 %) в силу сложности передачи их формы, характера звучания, передаются со стороны значения.

В-третьих, с точки зрения членного состава номинаций невербальных компонентов при обозначении всех типов НВК используются как однословные, так и многословные описания. Среди однословных номинаций всех типов НВК присутствуют полнозначные глаголы, причастия действительного и страдательного залога, существительные, отглагольные и отыменные, а также прилагательные – при обозначении кинесических НВК. Словосочетания как тип многословных номинаций при передаче НВК всех типов представлены такими глагольными конструкциями, как: глагол + существительное, отглагольное или отыменное, с предлогом или без (например, *نظر في عينيه* ‘взглянуть в глаза’, *أحى الرأس* ‘склонить голову’); глагол + причастие, действительное или страдательное, выполняющее функцию обстоятельства образа действия (например, *هَبْ منروعا* ‘вскочить испуганно’, или ‘вскочить испуганным’); глагол + глагол настоящего времени в значении инфинитива (например, *تجنب أن ينظر* ‘избегать смотреть’) и т.н. «абсолютный масдар», который представляет собой присоединение к глаголу – как переходному, так и непереходному – имени действия, образованного от того же глагола или от синонимичного, в винительном падеже (поэтому конструкция также называется ‘абсолютный объект’) неопределенного состояния с добавлением определения-прилагательного или действительного причастия (например, *ابتسم ابتسامة خجلة* ‘улыбнуться глупой улыбкой’). Именными конструкциями словосочетаний при назывании кинесических НВК и внутренних реакций может быть примыкание, как «истинное» – словосочетание, где первым членом является существительное, к которому добавляется определяющее его имя существительное в родительном падеже (например, *شروذ نظراته* ‘рассеянный взгляд’, или ‘рассеянность взгляда’), так и «формальное», представляющее собой словосочетание, первым членом которого является

прилагательное, которое управляет последующим существительным при помощи родительного падежа (например, متجهم الوجه 'хмурый лицом'), при обозначении проксемических – существительное + существительное (например, كتف في كتف 'плечом к плечу'), а при передаче кинесических НВК – существительное + действительное причастие (например, أصابعها المدببة 'теребящие пальцы').

Невербальные компоненты разных типов представлены в художественном тексте неравнозначно, что указывает на то, что они неравноценны с точки зрения выполнения коммуникативных задач. Доли представленности разных типов невербальных средств от общего количества НВК, отобранных для художественного текста, существенно различаются: кинесические – 50,6 %, а фонационные – 37,2 %, оставшиеся 12,2 % приходятся, соответственно, на описание проксемических НВК и внутренних реакций. Кинесические, фонационные НВК и внутренние реакции в высшей степени многозначны. Проксемические НВК, в отличие от них, преимущественно однозначны.

Что касается описания невербальных компонентов, то большая часть кинесических НВК (86 %), все проксемические НВК и внутренние реакции отражаются в языке со стороны формы, с акцентом на двигательном аспекте, поэтому при описании этих НВК используются преимущественно глагольные описания. Для передачи большей части фонационных НВК (68,4 %) используется семантическое описание в силу сложности передачи их формы.

С точки зрения членного состава номинаций невербальных компонентов при обозначении всех типов НВК используются как однословные описания, представленные полнозначными глаголами, действительными и страдательными причастиями, отглагольными и отыменными существительными, а также прилагательными, так и многословными описаниями, среди которых выделяются глагольные конструкции: глагол + существительное, отглагольное или отыменное, с предлогом или без; глагол + причастие, действительное или страдательное, выполняющее функцию обстоятельства образа действия; глагол + глагол настоящего времени в значении инфинитива и «абсолютный масдар» и именные конструкции для обозначения кинесических НВК и внутренних реакций: «истинное» и «формальное» примыкание, при обозначении проксемических – существительное + существительное, а при передаче кинесических НВК – существительное + действительное причастие.

Данное исследование затрагивает лишь один из возможных аспектов изучения средств невербальной коммуникации. Перспективными в данной области представляются, в частности, такие направления, как наблюдение за способами передачи вербальных описаний НВК при переводе, что позволяет

выявить как частичные расхождения в системах невербальных компонентов сопоставляемых культурных общностей, так и интеркультурные лакуны в этой области. Следует уделить внимание также систематизации клишированных вербальных описаний НВК, свободных и устойчивых словосочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Poyatos, F.* Interactive Functions and Limitations of Verbal and Nonverbal Behaviors in Natural Conversation / F. Poyatos // *Semiotica*. – 1980. – Vol. 30. – 3/4. – P. 212–234.
2. *Горелов, И. Н.* Паралингвистика: прикладной и концептуальный аспекты / И. Н. Горелов // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. – М.: Наука, 1977. – С. 96–114.
3. *Колшанский, Г. В.* Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1974. – С. 6–68.
4. *Васильева, Е. Л.* Система невербальной коммуникации в процессе общения / Е. Л. Васильева. – Минск, 2002. – 31 с. (Препринт / Мин. гос. лингвист. ун-т; № 136).
5. *Чанышева, З. З.* Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения: учеб. пособие / З. З. Чанышева. – Уфа, 1984. – С. 4–69.
6. *Шелгунова, Л. М.* Указания на рече-жестовое поведение персонажей как средство создания образа в русской повествовательной реалистической художественной прозе / Л. М. Шелгунова. – Волгоград, 1979. – 80 с.
7. *Holoka, J. P.* Nonverbal Communication in the Classics: Research Opportunities / J. P. Holoka // *Nonverbal Communication and Translation: New Perspectives and Challenges in Literature, Interpretation and the Media* / ed. by F. Poyatos. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1997. – P. 85–108.

СЛОВАРИ

1. *Баранов, Х. К.* Большой арабско-русский словарь: в 2 т. / Х. К. Баранов. – М. : Рус. яз., 2000. – 926 с.
2. *Baalbaki, M.* Al-Mawrid Al-Quareeb Pocket Dictionary English-Arabic Arabic-English / M. Baalbaki, R. Dr. Baalbaki. – Beirut: Dar El-Ilm Lilmalayin, 2000. – 936 p.

The article deals with the issue of linguistic representation of non-verbal means of communication in Arabic. The results of the research elucidate the frequency of various non-verbal means in fiction as well as the ways of their verbal rendering.

Е. И. Дудинская

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОШИБКАХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются некоторые характеристики японского языка, которые тем или иным образом затрудняют его восприятие и освоение носителями других языков и культур, а также типичные ошибки в речи обучающихся, возникающие на их основе. Подчеркиваются важность понимания коммуникативной ситуации в самом широком смысле и необходимость постоянной включенности в контекст, от которых зависят выбор нужных языковых и паралингвистических средств и, как следствие, достижение успеха в социальном взаимодействии. Отмечается также, что учет эмоционального фона, настроения собеседника и общей атмосферы – существенные элементы общения, которые порой сказываются на значении некоторых грамматических конструкций и построении высказываний.

Японский язык, наряду с иными, которые, несмотря на их типологические отличия и принадлежность к разным языковым семьям, принято объединять под названием «восточные», традиционно считается довольно сложным для понимания и освоения человеком, воспитанным в рамках цивилизации западного типа. В свою очередь, схожего мнения долго придерживались и японцы, что в прошлом нашло отражение в появлении (середина XIX в.) и широком распространении в Японии практически до 80-х гг. XX в. концепции *nihonjinron* (日本人論). В ее рамках утверждалась уникальность японского мышления – вплоть до существования принципиальных различий на уровне строения головного мозга. Считалось, что благодаря такой разнице «японский мозг» способен гораздо лучше освоить любую иную культуру и язык, чем «западный» [1, с. 157–158]. Данная идея получила развитие во многом за счет исторических и политических факторов, когда, после открытия границ Японии американской экспедицией под командованием адмирала Перри, возросла необходимость в национальной идее, которая могла бы сплотить наэлектризованное изменениями общество. Позднее она была признана совершенно несостоятельной с научной точки зрения. Тем не менее, даже сегодня, в условиях не сбавляющей темпа глобализации и налаженных контактов с другими странами мира в самых различных областях, хорошо говорящий по-японски человек способен вызвать у японцев искреннее и неподдельное удивление.

Исследователи, однако, отмечают что существовавшие в Японии способы обучения родному языку, которые в основном концентрировали внимание на письменности и письменном стиле речи – что исстари считалось

показателем образованности человека – оказались совсем не подходящими для обучения японскому языку иностранцев [2, с. 39]. Поиски новых методик активизировались только к середине XX в., когда стали появляться работы по сопоставлению грамматики, фонетики и иных аспектов японского с другими языками. Сегодня же количество исследовательских работ на японском или английском, призванных описать существующие языковые явления, повысить точность, скорость и эффективность преподавания, а также наладить продуктивный диалог между странами и навести культурные «мостики», не поддается подсчету. В то же время необходимо заметить, что в силу тех же факторов историко-культурного характера под «иностранцами» подразумеваются, в первую очередь, американцы, китайцы и корейцы, на них же и ориентированы многие учебные материалы. Хотя история изучения японского языка на территории Российской империи и впоследствии СССР насчитывает более 300 лет, связи с Японией продолжительное время были довольно ограничены, что, по мнению Y. Yabusaki [3, с. 154], является фактором, необходимым для понимания причин существования некоторых особенностей и традиций преподавания японского языка на постсоветском пространстве. Однако, начиная с 90-х гг. XX в. и по настоящий момент, в парадигме преподавания заметны значительные качественные изменения, усиливается роль лингвокультурологического подхода. Также возрастает количество научных работ и исследований, касающихся, помимо обучения японскому языку носителей русского языка, также и теоретической лингвистики, культурологии, антропологии, в том числе и междисциплинарного характера.

Несмотря на актуальные подвижки в понимании и организации образовательного процесса, новые возможности для общения, которые предоставляет информационное общество с постоянно развивающимися технологиями, японский язык все же остается трудным для изучения. Поэтому в данной работе хотелось бы рассмотреть некоторые особенности японского языка, во многом хорошо известные среди японистов, которые продолжают приводить к возникновению в устной и письменной речи обучающихся характерных ошибок. Многие из таких погрешностей автору доводилось наблюдать непосредственно во время занятий; на них же зачастую указывают и разрабатывающие вопросы графики, грамматики, фонетики, морфологии и других разделов лингвистики японские, русскоязычные и англоязычные авторы, проводя анализ устных высказываний или сочинений студентов.

Японский язык относится к слоговым и характеризуется наличием долгих гласных, удвоенных согласных и музыкального ударения, которые выполняют смысловозначительную функцию. Хотя автору в большей мере

интересны особенности морфологического, грамматического и синтаксического ярусов, влияющие на процесс коммуникации, нельзя не отметить, что просодические элементы так же, как и фонетические характеристики отдельных слов, в японском языке могут существенно влиять на оценку высказывания собеседником. Так, повышение интонации на заключительной вопросительной частице *ка* (か) (обязательное в случае устного оформления вопросительного предложения) или же ее удлинение в таком контактоподдерживающем выражении, как 「*そうですね。*」 ‘*вот как, понятно*’), может стать причиной коммуникативной неудачи, так как в первом случае, вместо значения подтверждения, согласия с собеседником, будет передано ощущение сомнения и недоверия, а во втором – разочарования. Слишком амплитудное повышение тона с параллельным увеличением силы голоса может нечаянно для говорящего привести к выражению возмущения (*ええ* ‘*что?!*’ вместо *え* *え* ‘*да*’ с ровной, слегка понижающейся интонацией; легкое повышение же выражает вопрос или просьбу уточнить). На уровне слова также возможны ошибки, вызывающие непонимание. Среди них, как свойственные русскоязычным студентам, Н. Watanabe [4, с. 74–76] выделяет нарушение фонологических характеристик звуков (для японского нетипичны огубленный «у» и вибрант «р»), несоблюдение долготы гласных и согласных, неверное ударение. К примеру, студенты часто в слове *歌* *uta* ‘*песня*’ с силой привычно выделяют «у» вместо более мягкой тонизации по типу «низкий-высокий». Также слово может быть не воспринято собеседником (в особенности, если у того нет опыта общения с иностранцами) либо понято совсем иначе. Так, при желании сказать *髪* *kami* ‘*волосы*’ («низкий-высокий») – получается *神* *kami* ‘*божество*’ («высокий-низкий»); или же; *旅行* *ryoko*: ‘*путешествие*’ превращается в *両虎* *ryo:ko* ‘*два тигра, соперники*’, а *来た* *kita* ‘*пришел*’ – в *切った* *kitta* ‘*порезал*’. Как итог, постепенно формируется акцент. А. А. Павлов в своем исследовании тоже указывает на влияние фонетических норм русского языка: к примеру, при произнесении сочетания *desga* *ですが* ‘*но*’, где у русскоговорящих оказывается сильна тенденция к озвончению, хотя правила японского языка предписывают четкую артикуляцию каждого слога так, как он написан (исключая случаи редукции) [5, с. 253]. Автор согласен с Y. Yabusaki в том, что не самым оптимальным вариантом, особенно если у студентов нет навыка работы с аудиозаписями или же возможности обратиться к носителю, является использование на этапе обучения азбукам, и, соответственно, звукам и основам произношения, тех русскоязычных учеб-

ников, в которых используется транскрипция исключительно кириллицей [3, с. 156–158]. Это повышает вероятность автоматического применения правил русского языка (нечеткое произнесение безударных гласных, озвончение, фонологические характеристики звуков – «р», «в», «у» и др.) к словам японского. Важно отметить, что фонетические и просодические ошибки не существуют изолированно от других уровней языка и типичных для них ошибок, более того, зачастую комбинируются с ними, усложняя общение и взаимопонимание [6, с. 8].

Морфологически японский язык относят к агглютинативным языкам, что проявляется в особенностях функционирования изменяемых знаменательных частей речи – в русской учебной японистике в эту группу принято включать глаголы и прилагательные обоих типов, – а также служебных, включающих падежные показатели и союзы.

Причиной неправильного образования форм прилагательных N. Kobernyuk прежде всего считает интерференцию со стороны языков, являющихся родными для обучающихся (русского и украинского) [7, с. 178]. В целом же, ошибки, по мнению автора, часто происходят либо из-за недостаточной степени натренированности словоизменительной парадигмы, либо по причине неправильного определения принадлежности слова к части речи. Как один из постоянно встречающихся случаев можно привести пример китайского прилагательного *きれい* ‘красивый, чистый’, которое студенты зачастую принимают за прилагательное японского типа; или же неправильные глаголы *帰る* ‘возвращаться’, *切る* ‘резать’, которые при внешних признаках второго спряжения относятся к первому.

Забегая вперед, следует отметить, что глагол, нередко в японском языке занимающий центральное место в высказывании как в позиции сказуемого, так и в рамках глагольных определений, отличается сложной системой видов, залогов и категорий, не у всех из которых есть эквиваленты или аналоги в русском языке (например, глаголы направленности действия и конструкции на их основе). Поэтому ошибки, связанные с образованием глагольных форм, встречаются регулярно, особенно на начальном и среднем уровнях обучения [6, с. 33–40].

Частицы необходимы, чтобы собрать предложение воедино; их функцию в предложении сложно преуменьшить. Так, даже если порядок слов в предложении оказывается не совсем естественен, при внимательном прочтении все же велика вероятность, что оно будет воспринято реципиентом согласно коммуникативному намерению автора, но только если падежные

показатели расставлены верно. То есть сообщение 「友達に昨日話しました。」 'другу вчера рассказал' приблизительно равно 「昨日友達に話しました。」 'вчера рассказал другу'. Информация фактического рода будет одинаково передана в обоих из них, хотя по шкале важности в первом случае будет выше обстоятельство 昨日 'вчера', а во втором – дополнение 友達に 'другу'.

Наиболее проблематичными частицами можно считать показатели именительных падежей: *wa* (は) – тематического – и *ga* (が) – рематического. Согласно некоторым подсчетам около 40 % всех неверных использований частиц приходится именно на них. Исследователи в качестве потенциальных причин указывают на то, что концепция «новой» и «старой» информации выглядит с точки зрения обучающегося весьма абстрактной и трудноуловимой, ее не всегда легко увязать с конкретным контекстом [8, с. 12–15]. Для овладения японским языком, однако, внутреннее, глубинное понимание и ощущение информации обязательно. Новизна информации не является качеством конкретного слова в высказывании, а определяется во взаимосвязи с контекстом в целом и его отдельными частями, а также порой зависит от того, чью позицию – автора или его собеседника – в данный момент необходимо обозначить в тексте. Помимо этого расстановка данных частиц регулируется и правилами более понятного и легкого для запоминания характера: деятель придаточного предложения оформляется через *ga*, в ситуации противопоставления используется двойное *wa* и т.д. На сложность темы и долгое время, необходимое для формирования навыка употребления данных частиц, указывает постоянное наличие ошибок даже на продвинутом уровне (上級), что фиксируется не в одной исследовательской работе. Например, непривычны для студентов предложения с адъективным сказуемым, для формирования которых требуется структура 「N1はN2がAです。」 (「あの人は字が汚いです。」 'У нее отвратительный почерк'). Понимание принципа построения такого предложения – описывается часть целого, но речь идет не о части, а о целом, так как часть является неотъемлемой составляющей этого целого – в дальнейшем прослеживается и в других разделах. Так, схожая идея есть в построении одной из разновидностей предложений со страдательным залогом (「私はバスで足を踏まれました。」 'Мне наступили на ногу в автобусе'). Поэтому можно предположить, что не до конца осмысленный, хоть и местами изрядно абстрактный, принцип употребления частиц *wa* и *ga* может проявиться как устойчивая тенденция к неверному выбору частиц в предложениях с разными типами грамматических конструкций.

Следующей по частоте совершаемых ошибок можно считать пару частиц *de* (で) (творительный падеж) и *ni* (に) (дательный падеж) – в значении места активного или пассивного действия (...*yama Saori*). Много усилий требует и винительный падеж (*w*)*o* (を), употребление которого связано с категорией переходности глагола, а на более глубинном уровне – инстинктивным ощущением актантно-предикатной структуры предложения [8, с. 9–12]. К особенностям функционирования частиц в японском языке, которые замедляют процесс их освоения, можно причислить присущую им грамматическую полисемию. Редкий падежный показатель выражает только одно значение: например, у *de* их можно насчитать около 8. Также может запутать изучающего язык периодическое опущение частиц (за счет стилистических факторов или же по требованиям грамматики – например, при построении предложений с числительными, в которых число подчеркивается: 「犬が三匹いる。」 ‘Есть три собаки’). Определенное влияние оказывает интерференция со стороны родного языка: для русскоязычных *de* похож на предлог *в*, а *ni* ассоциируется с *на*. В японском предложении могут при этом отсутствовать оба из них, а значение будет передано иначе (× 「部屋で掃除をしました。」 → ○ 「部屋を掃除しました。」 или 「部屋の掃除をしました。」 ‘(Я) навел порядок в комнате.’; 「将来は...」 ‘В будущем...’).

Существует определенная специфика в классификации частей речи японского языка. Подобный пункт, несомненно, не относится напрямую к особенностям языка, но проявляет тенденцию так или иначе сказываться на его понимании, преподавании и исследовании. Исследователь В. Г. Волощенко касается этого вопроса в своей статье по сопоставительной типологии частей речи, отмечая, что, прежде чем рассматривать грамматические категории, нужно для начала определить, что понимается под отдельной частью речи (или классом) и какое название ей нужно дать [9, с. 236]. С. Н. Ильин, разрабатывая явления омонимии и полисемии среди служебных частей речи, описывает отдельную процедуру для отнесения слова к знаменательной или служебной части речи, так как в японском языке это не всегда очевидно [10, с. 143–144].

Если взять за основу классификацию частей речи в том виде, в котором она преподается в японской школе, то она может показаться чрезмерно сложной, неудобной и неоднозначной для освоения языка иностранцами. Вероятно и по этой причине в учебной русской японистике сложилась определенная система со своей терминологией, которая порой накладывает отпечаток на понимание грамматических и лексических явлений. Похожие схемы, но не всегда полностью совпадающие с русскими, обнаруживаются

и в англоязычных учебниках. Опираются они во многом на специальную грамматику, разработанную японцами для преподавания своего языка иностранцам.

При использовании терминов, уже существующих в языке обучающегося, для описания какого-либо явления на японском языке, возникает соблазн «наложить» на него уже имеющиеся знания из родного языка, несмотря на вовсе не обязательное совпадение этих категорий. С точки зрения практических импликаций использование термина *винительный падеж*, к примеру, приводит к формированию несколько однобокого понимания такой частицы *joshi* (助詞), как (w)o, у которой три значения, а с русским винительным падежом сопоставимо только одно из них. Студентам требуется время, чтобы запомнить, что ‘гулять по парку’ – это *公園を散歩する*, так как речь идет не о месте активного действия, передаваемого через *で*, а о перемещении по пространству без остановок. При переводе часто проявляется, например, неполное осознание студентами того факта, что у японского существительного нет рода, числа и, в целом, падежа, что приводит к тому, что предложения типа *「それはその写真です。」* ‘вот фотографии (того объекта / тех объектов)’ переводятся с использованием единственного числа, хотя при отсутствии контекста перевод не может быть столь однозначным. Типологическую классификацию ошибок русскоговорящих студентов вследствие разных типов интерференции подробно разрабатывает И. С. Сон, в том числе касаясь проблем морфологии и указывая на многие особенности «интуитивно понятных» русскоязычным студентам японских частей речи [11, с. 14–16].

Применяемая при обучении японцев родному языку схема частей речи не является жестко определенной, у нее есть некоторые вариации. Основывается она, однако, не на морфологических признаках, а на функции слова в высказывании, что порой оказывается удобней для понимания принципов построения предложения. При преподавании, например, гораздо удобнее обращаться к отдельной категории «связующих слов» *setsuzokushi* (接続詞), – как, собственно, и поступают авторы японских учебников, вводя отдельные разделы под названиями *接続詞* или же в более широком смысле – *接続表現*, *接続の言葉* (‘связующие выражения’). Под этими терминами подразумеваются слова и выражения, используемые для выстраивания связей между частями сложного предложения, а также между предложениями в тексте. Введение их в качестве отдельных слов в лексическом комментарии к уроку, наряду с другими лексемами, снижает степень их важности для обучающегося, что часто отражается в игнорировании этих слов при создании студентами письменного текста. В несколько меньшей мере эта тенденция

заметна и в устной диалогической речи. Все же при проверке сочинений данный факт проявляется наиболее ярко, а на недостаточную аутентичность текста или же его странность как следствие отсутствия или неверного использования этих слов указывают также и многие японские исследователи при анализе ошибок иностранцев. Такая же часть речи, как *rentaishi* (連体詞), употребляемая исключительно в позиции перед словом, которое может выступать в позиции темы (*taigen* (体言) – существительные и местоимения), и включающая разные по происхождению слова, вообще отсутствует в привычной русскоговорящему человеку системе частей речи.

Описанный выше подход к объяснению японского языка, бесспорно, оправдывает себя с точки зрения эффективности. Хотелось бы, однако, обратить внимание на то, что при этом используемая в нем терминология отличается от языка академической, более теоретической японистики. Признавая естественность такой ситуации, все же следует заметить, что потенциально это может приводить к слишком жесткому разделению материалов «для практики» и «для теории», упрощению одних и усложнению других.

Также камнем преткновения может стать явление транспозиции у слов японского языка, когда они могут функционировать как разные части речи в разном окружении. Хорошо известное с начальных этапов обучения слово *たくさん* ‘много’, к примеру, может быть как существительным, так и прилагательным, а толковые словари отмечают также и его использование в качестве наречия.

Характерные особенности обнаруживают и *keishikimeishi* (形式名詞) – формальные существительные, которые при использовании в грамматике полностью теряют свое исходное значение, или же проявляют его в ослабленном виде. В предложении они играют роль субстантиваторов. К таким словам относят *mono* (もの), *koto* (こと), *uchi* (うち), *tokoro* (ところ), *tsumori* (つもり), *hazu* (はず), *wake* (わけ), *tame* (ため) и некоторые другие, и сложность при их изучении, помимо множества вариантов значений и включенности в иные конструкции, представляет то, что некоторые из них бывают взаимозаменяемы (*hazu* и *wake*). В то же время, к примеру, *mono* подразумевает как минимум 4 разных употребления (в ситуациях описания чьего-то мировоззрения и выражения долженствования, оправдания, выражения сильных эмоций, привлечения опыта из своего прошлого), а в составе других конструкций общее количество его употреблений может достигать 10 и больше.

Nodes – это безэквивалентная для русского языка конструкция, которая широко используется для того, чтобы указать на вовлеченность говорящего в происходящее, а также на наличие у него неких чувств, эмоций по отно-

шению к действительности или к лицам, в ней участвующим. Многие учебники ради цели поэтапного освоения ситуаций, в которых может встретиться данный оборот, вводят такие случаи постепенно, разбивая общий смысл на мелкие подпункты, начиная обычно со значения «вопрос и объяснение причины». В итоге студенты склонны запоминать *のです* как конструкцию, например, с причинным значением, что приводит к ее ограниченному использованию и не соответствует реальной частоте, с которой она встречается в текстах и, в особенности, в устной речи. Можно предположить, что слишком «всеобъемлющее» восприятие приводит, наоборот, к избыточному употреблению. Однако с точки зрения таких категорий, как вежливость и мягкость звучания, предложения с и без *nodes* воспринимаются по-разному. Так, 「*痛い*です。」 ‘болит’ звучит как безыскусная констатация факта, в то время как 「*痛い*んです。」 может подразумевать: «Извини, мне не очень хорошо, ты не мог бы мне помочь?». В комбинации с вопросительной частицей *ka* *のです* и его вариации указывают на заинтересованность в ситуации, желание ее понять. S. Koike отмечает, что, помимо прочего, отсутствие *nodes* (*んです*) при изложении просьбы нехарактерно для речи носителей языка, в то время как иностранцы часто про него забывают или используют редко, что становится одним из компонентов, способствующих появлению «грубого, причиняющего беспокойство» высказывания [12, с. 67–68].

Степень «*katai-yawarakaï*» выражается за счет сочетания разных факторов, хотя выбор лексических единиц, грамматических оборотов и стиль высказывания выступают как наиболее явные элементы. Y. Yabusaki указывает на то, что речь многих японистов (из тех, кто осваивал язык в период существования СССР, а также нынче получает образование в российских университетах и не был в Японии) воспринимается как *katai*, хотя бесспорно, является очень грамотной, выверенной и в целом оставляет хорошее впечатление [3, с. 159–160]. В качестве возможных причин он приводит тот факт, что японский язык в условиях СССР был нужен либо для письменного перевода художественной и технической литературы, либо для устного перевода во время официальных мероприятий, что накладывало определенный отпечаток на языковые привычки и стиль использования языка. Многие же из ныне используемых учебников написаны представителями этого поколения, и поэтому тяготеют к письменному, более «твердому» языку, который не совсем типичен сегодня для разговорной речи.

В то же время современные учебники, стараясь приблизить содержание к повседневной «мягкой, контактирующей» разговорной речи, часто идут по пути ввода большого количества обиходных диалогов, упрощения моноло-

гических текстов и отказа от текстов художественной классической литературы. Автору не хотелось бы высказывать определенную точку зрения по данному поводу, так как цели у изучающих японский язык могут различаться весьма сильно, однако несмотря на возросшие способности к диалогической речи можно наблюдать некоторое ухудшение в области составления монологического высказывания. Японист Т. М. Гуревич в качестве проблемы указывает также на «выхолащивание» таким образом из текстов национально-культурной составляющей, которая бы помогала обучающемуся понять и осмыслить систему мировоззрения и ценностей японцев [2, с. 3–4].

В лексике японского языка можно отметить тенденцию к конкретизации, в то время как русский язык стремится скорее использовать одно слово для различных контекстов. Так, при переводе фразы *Я живу в Минске*, студенты, не знакомые с тем, какое слово считается стандартным для данной ситуации, могут найти такие *жить*, как *住む*, *暮らす*, *生活する*, *生きる*, *やっ* *ていく* и еще с десятков редко встречающихся *kango*. Адекватным выбором можно считать *住む* и *暮らす* ‘жить, проживать’, и в несколько меньшей мере – *生活する* ‘вести быт’. *生きる* же означает ‘быть живым, существовать’ и здесь будет смотреться не к месту. Н. Takita и Y. Yabusaki указывают, что неверный выбор слова из синонимичного ряда часто связан с привычкой к выполнению стандартных упражнений на подстановку, что и в итоге приводит к механическому запоминанию типов предложений, смысловое наполнение же оказывается вторичным по отношению к форме [13, с. 150; 3, с. 159]. Можно предположить, что здесь также просматривается отсутствие привычки предварительно отыскивать и изучать примеры употребления слов, которые бы могли предоставить необходимый контекст и отразить сочетаемость. Анализ подобных синонимичных рядов может способствовать пониманию таких важных культурологических концепций, как «человек», «время», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «счастье», «беда».

На начальных этапах освоения японского языка логичным образом сначала изучаются самые основные единицы лексики и грамматики, после чего идет постепенный переход в сторону более сложных конструкций и способов составления высказываний. При этом часть устойчивых оборотов по структуре является составной, то есть при условии сформированного к этому моменту понимания элементов языковой системы и их функций некоторые из конструкций интуитивно становятся понятны (*おそれがある*, *ものともせず*). В то же время появляется и только усиливается необходимость соблюдать сочетаемость грамматических конструкций в сложном предложении, а также следить за соответствием употребленной конструкции

и смысла частей предложения (коо:, 呼応). Примером могут служить «рамочные» конструкции, когда наречие чаще всего работает на усиление основной конструкции, а также на предупреждение реципиента о том, какого рода содержание его ожидает далее, за счет своего нахождения в инициальной позиции в предложении (*tatōe...temo* (たとえ~ても), *marude...yo:da* (まるで~ようだ), *moshi...tara* (もし~たら)). Некоторые конструкции накладывают ограничения на употребление конструкций в главной части высказывания. Так, условно-временное *to* (と), если главная часть предложения оформлена не в прошедшем времени, не может содержать волеизъявления в какой-либо форме, зато может включать конструкции со значением изменения.

Обобщив особенности, описанные выше, отметим, что при общении на японском языке приходится учитывать большое количество факторов. Если добавить к упомянутым ранее некоторые другие элементы, то можно также назвать:

1) эмоциональную насыщенность конструкции ('несмотря на' *kuseni* < せに), *noni* (のに), *temo* (ても));

2) постоянный учет позиции говорящих по отношению друг к другу, а также понимание того, чья картина мира в данный момент выражается – говорящего или собеседника, мнение индивида, общества или общества через индивида (*jujūhyō:gen* (授受表現), *beki* (べき), *no* (の), *tai* (たい), *tagaru* (たがる));

3) каковы типичные ситуации, место и время употребления грамматической конструкции, по отношению к какому собеседнику (пол, возраст, социальное положение);

4) стиль речи: устный или письменный; официальный или разговорный; вежливый, нейтрально-вежливый или неформальный.

Однако при общении на японском языке с представителями японской культуры мало контролировать, что, когда и кому говорится, необходимо следить и за тем, как именно. Внешне это проявляется в выборе уровня вежливости и стиля общения или в ощущении *katai* – *yawarakai*. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на момент, который хотя и не обозначается четко, но присутствует при рассмотрении разных сторон языка и культуры почти все время.

Обращаясь к вопросу трудностей в построении и употреблении вопросительных предложений русскоязычными студентами, D. Grib отмечает, что русские в диалоге с японцами стремятся указать собеседнику на его ошибку, не выдерживая этикетного и культурно обусловленного требования позволить собеседнику достойно отступить и сохранить лицо, что воспринимается

как грубое обращение или даже оскорбление [14, с. 66]. В то же время концепт као (顔) ‘лицо’ для японцев – один из центральных в межличностных отношениях, что отражается в многочисленных устойчивых оборотах с этим словом. Также приводится пример несоблюдения вежливого стиля вместе с использованием вопросительной частицы *ka*, которая в простом стиле зачастую, наоборот, опускается (вопрос выражается за счет интонационных характеристик сказуемого). Такое употребление только усугубляет ситуацию, и фраза 「行くか。」 ‘идешь?’ по отношению к вышестоящему лицу будет крайне некорректной. S. Koike на примере ситуации просьбы в работе на тему того, что именно японцам представляется невежливым в речи иностранцев, указывает на некоторые типичные проявления подобного отношения [12, с. 63–64]. Так, использование заключительных частиц *ne* (ね) и *yo* (よ) или же конструкции *teagemas* (てあげます) в речи по отношению к старшему при отсутствии контактоподдерживающих слов *aizuchi kotoba* (相槌言葉) создает у реципиента образ говорящего как человека самоуверенного, не принимающего в расчет чувства и желания окружающих и, вероятно, плохо знакомого с нормами поведения в обществе. Отказ от использования *aizuchi*, лишенное улыбки лицо и продолжительное молчание могут привести к схожему эффекту. Сами же японцы будут стараться как можно сильнее смягчить высказывание за счет пояснения ситуации, употребления филлеров и контактоподдерживающих словечек, бенефактивных конструкций и более высокого стиля вежливости. И. И. Изотова указывает на нежелание прибегать к использованию директивного языка, а также на нелюбовь японцев к таким видам обсуждения, как дискуссии и дебаты [15, с. 180–181]. В сфере бизнеса, к примеру, с японцами порой сложно вести переговоры, так как для них характерна позиция «соглашаться, не соглашаясь», стремление избегать точных ответов, и даже при согласии используются обороты, которые «смягчают» утверждение. Предпочтительным с точки зрения японского менталитета оказывается такой подход, как *nemawashi* (根回し), который подразумевает предварительную договоренность о решении дела между участниками в приватном кулуарном режиме при полном внешнем согласии непосредственно во время совещания (*zadankai* 座談会). В. Овчинников в книге «Ветка сакуры» цитирует слова Б. Данхэма: «На Западе люди либо говорят вам правду, либо лгут. Японцы же почти никогда не лгут, однако им никогда не придет в голову говорить вам правду» [16, с. 96]. Т. М. Гуревич приравнивает европейскую «языковую компетенцию» к японской «коммуникативной незрелости», вплоть до асо-

циального поведения [17, с. 164]. В работе «Язык как этнодифференцирующий фактор менталитета» Б. И. Карипбаев и Г. М. Исина отмечают, что на Востоке другая точка отсчета: если в порядке «мы», то в порядке и «я», что иллюстрирует мысль о нерасчлененности индивидуального и общественного в сознании японцев. Косвенно эта мысль отражается и в некоторых отдельно взятых грамматических конструкциях. К примеру, *naiwakeniwaikanai* (ないわけにはいかない) – одна из конструкций долженствования, которая подразумевает, что у говорящего есть причины для совершения действия, которое с точки зрения наблюдателя не является обязательным. Причины же эти могут быть и личного характера, но зачастую они так или иначе социально обусловлены (здравым смыслом, подразумевающим общепринятую точку зрения, или же требованиями поведения в группе). Несколько ярче подобный нюанс проявляется у другой конструкции, тоже связанной с полем долженствования и необходимости, – *mono mo no*, которое по основному употреблению предполагает объяснение того, как, с точки зрения говорящего, устроен мир и как выглядит естественный порядок в нем (*学生は勉強するものだ*. ‘Студенты – это те, кто учатся’), но зачастую включает в себя наставление, увещевание, подразумевая, что реципиент сообщения должен соответствовать сказанному.

Исследователи отмечают, что для японцев характерно преобладание конкретного и эмоционального мышления [15, с. 179]. Еще G. Sansom во введении к своей книге «Япония: краткая истории культуры» отмечал: «...but I fear I did not succeed in showing the characteristic attitude of the Japanese towards moral and philosophical problems – their intuitive, emotional approach and their mistrust of logic and analysis. Yet perhaps I may be excused for this failure, seeing that the quintessence of Japanese thought is to be found in Zen Buddhism ... whose doctrines are by definition incommunicable by the written word and can be made clear only by some inner illumination» («...но я опасаясь, что не преуспел в отражении свойственного японцам отношения к моральным и философским проблемам – их интуитивного, эмоционального подхода и их недоверия к логике и анализу. Все же, возможно, мой промах может быть оправдан в свете того, что квинтэссенцией японской мысли можно считать дзэн-буддизм..., чьи доктрины априори не могут быть переданы посредством написанного слова и могут быть поняты только с помощью некоего внутреннего озарения») [18, с. v–vi]. М. П. Герасимова, рассматривая вопросы эмоций и эстетических категорий, отмечает, что в японской культуре эмоция порой почти синоним нравственности [19, с. 295]. Жанр

литературы monogatari (物語), согласно ее исследованию, нередко организован не в хронологическом порядке, а исходит из отношения автора или героев к происходящему, то есть события выстроены на основе испытываемых ими эмоций [19, с. 302–303]. Видный американский исследователь в области культуры и языка Японии Дональд Кин также отмечал особое отношение японцев к чувственному познанию мира, изучая концепт mono no aware (もののあはれ) и его тесную связь с японской поэзией waka (和歌): «Дело не в том, чтобы человек, ошеломленный красотой природы, просто воскликнул “ах!”; он должен познать суть увиденного при помощи своих чувств» [20, с. 227].

Изучающие японский язык стараются работать в рамках таких более понятных и точных категорий, как время или наклонение, – и, согласно некоторым исследованиям, ошибки в этой области допускаются не настолько часто, как в сфере падежных показателей, глаголов направленности действия или же конструкций модальности, которые в большей мере связаны с определением позиции говорящего и собеседника, наведением связей между темой, субъектом, объектом и перфектом высказывания, а также ощущением собеседника, его коммуникативных намерений и эмоционального состояния (молчаливое понимание, эмпатия, телепатия ishindenshin (以心伝心)). Одним из часто встречающихся вопросов при оценке и рассмотрении художественного произведения в японской школе можно считать задания типа 「○○さんはどんな気持ちでその曲を聞いたのでしょうか。」 ‘С какими чувствами г-н (г-жа) ... слушал(а) это произведение?’, а домашним заданием – написание сочинения kanso:bun (感想文), в котором немалое место, наряду с собственными впечатлениями и ощущениями, занимает, к примеру, описание предполагаемых чувств героев произведения. Можно предположить, что такие задания имеют целью научить ориентироваться не только на самого человека, но и на то, что и кто его окружает, то есть развивать вместе с логическим мышлением эмоциональный интеллект.

Обобщая сказанное, можно заметить, что некоторые характеристики японского языка, сами по себе, безусловно, представляющие интерес для более глубокого ознакомления и изучения, тем не менее так или иначе имеют определенную сложность для восприятия носителями неродственных японскому языков и культур, что, в свою очередь, является одной из причин возникновения типичных ошибок в речи обучающихся. Однако недостаточно хорошо знать, уметь анализировать и разбираться в лексических или грамматических явлениях: японский язык неразрывно связан с культурными тради-

циями и привычками японского общества, что проявляется в требовании постоянно отслеживать контекст, а также в важности наличия умения «понять несказанное, увидеть ненаписанное» («читать между строк» 行間を讀む). Контекст же, по мнению автора, включает не только информацию фактического характера – место, время, участники, – но и эмоциональный фон коммуникативной ситуации, то есть атмосферу общения или же настроение, выраженное в тексте. По этим причинам в процессе обучения важно не только объяснять тонкости значения или употребления слов и конструкций на примере отдельных предложений или диалогов, но и порой проверять то, как студенты представляют себе ситуацию, обстоятельства ее возникновения, ее участников, их намерения и испытываемые ими ощущения и чувства. Для человека, воспитанного в рамках культуры западного типа, подобное акцентирование внимания на неявных и «неточных» аспектах коммуникации может быть сложным для понимания и принятия, так как требует в некоторой мере «ломки» сознания одновременно с умением и желанием посмотреть со стороны на систему ценностей своего родного общества. Чтобы снизить «порог вхождения», представляется полезным работать не только с текстами общественно-политического содержания и информационного характера, что наиболее удобно во время занятий и востребовано с практической точки зрения частотных тематик перевода, но и, к примеру, с небольшими отрывками из художественных произведений, эссе или неформальными заметками. Также, если говорить обобщенно, привлекательным для студентов может быть просмотр легкого видео, сериалов или же чтение комиксов manga (漫画).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Середенко, В. М.* Специфика вербального мировосприятия японцев в концепциях японской психолингвистической школы / В. М. Середенко // Армия и общество [Электронный ресурс]. – 2012. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-verbalnogo-mirovospriyatiya-yapontsev-v-kontseptsiyah-yaponskoj-psiholingvisticheskoj-shkoly>. – Дата доступа : 28.08.2019.
2. *Гуревич, Т. М.* Концепции обучения и учебные материалы по японскому языку / Т. М. Гуревич // Японский язык в вузе [Электронный ресурс]. – 2012. – № 7. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/29d/29df6c6c92688ba75dc25306f85b9c06.pdf>. – Дата доступа: 21.08.2019.

3. 藪崎義雄. ロシアにおける日本語教育の現状と問題点 / 藪崎義雄 // 創価大学大学院紀要 [Электронный ресурс]. – 2006. – № 28. – Режим доступа : https://www.soka.ac.jp/files/ja/20170525_130911.pdf. – Дата доступа : 22.08.2019.
4. 渡辺裕美. ロシア語母語話者の発音の特徴と指導における問題点: 日本人日本語教師に対する調査から / 渡辺裕美 // 国際交流基金日本語教育紀要 [Электронный ресурс]. – 2011. – №7 – Режим доступа : <https://www.jpff.go.jp/jproject/japanese/teach/report/07/pdf/12120605.pdf>. – Дата доступа : 15.08.2019.
5. Павлов, А. А. Типичные ошибки студентов и некоторые сложности преподавания японского языка на втором курсе // А. А. Павлов // Известия Восточного института [Электронный ресурс]. – 2010 – № 16. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/tipichnye-oshibki-studentov-i-nekotorye-slozhnosti-prepodavaniya-yaponskogo-yazyka-na-vtorom-kurse>. – Дата доступа: 22.08.2019.
6. 日本語誤用分析 / 明治書院企画編集部. – 東京: 明治書院, 1997. – 178ページ.
7. Басс, И. И. Порядок слов в японском предложении // И. И. Басс // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика [Электронный ресурс]. – 2007. – Вып. 2 (ч. II). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/poryadok-slov-v-yaponskom-predlozhenii-1>. – Дата доступа : 2.09.2019.
8. Jacobsen, W. Acquiring invisible linguistic structures in Japanese: some practical contributions of linguistic research to language teaching / W. Jacobsen // The Proceedings of the 20th Japanese Language Symposium in Europe [Электронный ресурс]. – 2016. – № 21. – Режим доступа: <https://www.eaje.eu/media/0/myfiles/venezia/full.pdf>. – Дата доступа: 29.08.2019.
9. Волощенко, В. Г. К вопросу о сопоставительной типологии частей речи в японском и русском языках / В. Г. Волощенко // Извест. Восточ. ин-та [Электронный ресурс]. – 2007. – № 14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-o-sopostavitelnoy-tipologii-chastey-rechi-v-yaponskom-i-russkom-yazykah>. – Дата доступа: 20.08.2019.
10. Ильин, С. Н. Некоторые вопросы омонимии в системе служебных слов современного японского языка (на примере служебно-предикативных слов) / С. Н. Ильин // Извест. Восточ. ин-та [Электронный ресурс]. – 1994. – № 1. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-omonimii-v-sisteme-sluzhebnyh-slov-sovremennogo-yaponskogo-yazyka-na-primere-sluzhebno-predikativnyh-slov>. – Дата доступа: 20.08.2019.
11. Сон, И. С. Методическая типология трудностей как основа обучения грамматике японского языка на начальном этапе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / И. С. Сон. – М., 2009. – 26 с.

12. 小池真理, 日本語母語話者が失礼と感じるのは学習者のどんな発話か: 「依頼」の場面における母語話者の発話と比較して / 小池真理 // 北海道大学留学生センター紀要 [Электронный ресурс]. – 2000. – № 4. – Режим доступа : https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/45588/1/BISC004_005.pdf. – Дата доступа : 26.08.2019.
13. 田北光子, 初級後期日本語学習者の作文の誤用例とその対応: 当センターの場合 / 田北光子 // 長崎大学外国人留学生指導センター紀要 [Электронный ресурс]. – 1995. – № 3. – Режим доступа : <http://naosite.lb.nagasaki-u.ac.jp/dspace/bitstream/10069/5461/1/KJ00000201287.pdf>. – Дата доступа : 30.08.2019.
14. グリーブ・ディーナ, ロシア人日本語学習者における日本語疑問表現の使用上の困難点: 初級学習者に対するアンケート調査から / グリーブ・ディーナ // 首都大学東京・東京都立大学 日本語 日本語教育研究会 [Электронный ресурс]. – 2014. – № 34. – Режим доступа : https://tokyo-metro-u.repo.nii.ac.jp/?action=repository_uri&item_id=1656&file_id=18&file_no=1. – Дата доступа : 28.09.2019.
15. Изотова И. И. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации // Вестн. МГИМО [Электронный ресурс]. – 2012. – № 6. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalno-kulturnaya-obuslovlennost-peryamotoy-kommunikatsii>. – Дата доступа : 01.09.2019.
16. Овчинников, В. Ветка сакуры / В. Овчинников. – М. : Молодая гвардия, 1975. – 284 с.
17. Гуревич, Т. М. Национально-культурная обусловленность непрямой коммуникации / Т. М. Гуревич // Вестн. МГИМО. – 2013. – № 2. – С.163–166.
18. Sansom, G. B. Japan. A Short Cultural History / G. B. Sansom. – Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1974. – 548 p.
19. Герасимова, М. П. Самоценность эмоции в японском культурном пространстве // Ежегодник «Япония» [Электронный ресурс]. – 2018. – Т. 47. – Режим доступа : <http://yearbookjapan.ru/index.php/issue-ru/32-ezhegodnik-aroniya-2018>. – Дата доступа : 01.09.2019.
20. Кин, Д. Японская литература XVII–XIX столетий / Д. Кин. – М. : Наука, 1978. – 431 с.

The article reviews some of the Japanese culture and language features and the difficulties they present for foreign students. The author underlines the importance of understanding the overall context of the communicative situation as well as the necessity of constant attention towards its emotional colouring – to comprehend the Japanese in full it is essential to know not only rules, words and grammar structures with the right shade of meaning but also cultural traits and habits.

АНГЛИЦИЗМЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению основных трудностей при заимствовании слов, связанных с фонетическими особенностями двух языков. Автором выделяются наиболее распространенные трансформации, имеющие место при ассимиляции англицизмов. В результате анализа 2 000 наиболее частотных слов в корейском языке было определено, что доля англицизмов среди них составляет 2 %.

Обсуждаемые в данной статье корейский и английский языки отличаются не только генеалогически, но и структурно, и лексически. Английский язык принадлежит к индоевропейской семье языков, в то время как корейский язык некоторые ученые считали одним из алтайских языков, однако в настоящий момент он признается лингвистами как изолированный язык [1, с. 7, 90–91]. Кроме того, в отличие от английского, порядок слов в корейском предложении описывается схемой SOV, т.е. глагол (или сказуемое) ставится в конце предложения. В вопросе лексики и этимологии корейский язык во многом схож с китайским и японским.

Невозможно говорить о корейской истории, не упоминая влияния на неё истории северо-восточной Азии, и, следовательно, нельзя говорить о корейском языке, не принимая во внимание соседние страны – Японию, Китай и даже Монголию. Социальные и политические изменения как в самой стране, так и за ее пределами, внесли огромный вклад в формирование корейского языка. Так, например, после объединения Трёх корейских царств в 668 г. на полуострове главенствующим стал язык силла – первый общий язык для жителей Корейского полуострова. Влияние Китая на протяжении всей истории Кореи сказалось на лексике языка. Если рассматривать современную историю, Корейская война (1950–53) разделила северокорейский и южнокорейский народы, и с тех пор каждый из них отправился по собственному пути развития [2, с. 2].

В лексиконе корейского и японского языков присутствует значительное влияние китайского языка. Около 57 % корейских слов восходит к китайскому языку (другие заимствования, включая англицизмы, составляют 18 %). Тем не менее, языки кардинально отличаются по своей структуре. Китайский язык имеет строгий порядок слов SVO и является изолирующим, а корейский и японский языки структурно имеют множество схожестей, например, оба они являются агглютинативными и используют практически идентичную систему частиц [2, с. 2–4]. Однако родство японского и корейского языков не было доказано [1, с. 7].

Данный язык используется не только на Корейском полуострове – корейская диаспора по всему миру продолжает расти, как и количество людей, выбирающих для изучения корейский язык [3]. На это во многом повлияла популяризация корейской поп-культуры, или «корейская волна» (한류).

Согласно корейским хроникам в 1443 г. король Седжон объявил о создании корейского алфавита для простого народа, который не мог овладеть китайским письмом. Несмотря на то, что сам Седжон и другие правители после него пытались внедрить хангыль повсеместно, только через 400 лет он наконец стал основной государственной системой письма. Хангыль – это уникальный алфавит, в отличие от других распространенных систем письма сохраняющий иконичность знака. Запись гласных букв состоит из трех элементов: горизонтальной линии, символизирующей Землю как квинтэссенцию начала инь; точки – Солнце и начало ян, а также вертикальной линии – человек между Небом и Землей. Буквы, обозначающие согласные звуки, распадаются на пять групп, каждая со своей базовой формой, которые представляют артикуляцию языка, нёба, зубов и горла при произнесении этих звуков [4, с. 11–30].

Корейский алфавит [4, с. 163–175]

буквы	согласные звуки	буквы	гласные звуки
ㄱ, ㅋ, ㆁ, ㄷ	[k~g], [n], [t~d], [r~l]	ㅏ, ㅑ, ㅓ, ㅕ	[a], [ʌ], [o], [u],
ㅁ, ㅂ, ㅅ, ㅇ, ㅈ	[m], [p~b], [s~ɕ], [ŋ], [tɕ~dʒ]	ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ	[e], [ɛ], [ɯ], [i]
ㅋ, ㆁ, ㆁ	[k ^h], [t ^h], [p ^h]	ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ	[ja], [jʌ], [jo], [ju],
ㅈ, ㅎ	[tɕ ^h], [h ~ɦ]	ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ	[je], [jɛ], [ɯj]
ㅍ, ㅑ, ㅑ	[ʔk], [ʔt], [ʔp],	ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ	[wa], [we], [we]
ㅍ, ㅑ	[ʔs], [ʔtɕ]	ㅗ, ㅛ, ㅜ, ㅠ	[wʌ], [we], [wi]

Система корейского языка обуславливает определенные изменения при заимствованиях, например, необходимо учитывать особенности алфавита, включая отсутствие соответствий английским звукам вроде [v], который в корейском языке передается звуком [p], обозначаемым буквой ㅍ.

Корейская политика изоляционизма сошла на нет в 1876 г., когда страна заключила невыгодное соглашение с Японией об открытии страны для чужеземцев [5, с. 4–8]. Именно тогда Корея начала импортировать не только

товары, но и идеи из других стран, помимо Китая. Конечно, «новой» цивилизации требовались названия для этих идей и товаров. Одни из самых ранних, дошедших до сегодняшнего дня, английских заимствований включают такие понятия, как *가스* ‘газ’, *알코올* ‘алкоголь’, *잉크* ‘чернила’, *플랫폼* ‘платформа’, *필름* ‘плёнка’, *리본* ‘лента’ и др. [2, с. 13–15].

Н. Хэим в своем исследовании выделила 5 466 новых слов, появившихся в начале XX в., около 66 % которых оказались общими для Кореи, Японии и Китая, при этом лишь менее 9 % использовались по-разному в каждой из стран. Почти сразу (начиная с 1905 г.) Корейская империя – так называлось в то время государство на полуострове – была колонизирована Японией, поэтому большинство слов в корейский язык входило через японский. Эта тенденция была активна на протяжении всего XX столетия [2, с. 14–15].

Сферы значения заимствованных в начале XX в. слов включают в себя науку, общество и политику (*다나마이트 / 다이नाмай트* ‘динамит’, *모핀* ‘морфин’, *박테리아 / 백테리아* ‘бактерия’), религию (*바이블* ‘Библия’, *이슬람* ‘ислам’, *크리스마스* ‘Рождество’), а также товары и изобретения (*레몬* ‘лимон’, *버터* ‘масло’, *프로펠라* ‘пропеллер’). Большинство новых слов сохранилось в употреблении и сегодня [2, с. 14].

В начале XIX в. население Чосона (название страны в тот период) не принимало западную культуру, которая считалась варварской. Китайский язык и литература считались образцом и воплощением цивилизованной культуры, а остальные языки и культура считались вторичными. Однако со временем английский язык и западная культура стали неотъемлемой частью жизни корейского общества [2, с. 16–17].

В современной Южной Корее, известной своим образованием, английскому языку отводится огромная роль. Знание английского языка является обязательным навыком для карьерного успеха. Корейцы изучают английский язык с третьего класса, а на выпускных экзаменах сдают обязательный экзамен на знание языка [6]. Понятно, что спрос на учителей английского языка также продолжает расти. Расходы на оплату иностранных преподавателей представляют серьезную проблему для бюджета страны, поэтому правительство всеми силами поддерживает обучение корейских преподавателей для замены иностранцев, чтобы препятствовать утечке валюты за границу [7].

В свою очередь сфера влияния корейского языка также расширяется. «Бум» корейского языка можно отследить к концу 1970-х гг., когда эконо-

мика страны начала расти и привлекать к себе внимание международного сообщества. Корейское правительство стало оказывать поддержку программам изучения корейского языка и культуры в других странах. Кроме того, в последние годы корейская культура испытывает небывалый подъем популярности по всему миру. Поп-музыка, сериалы и выпускаемые товары, включая технику и продукты питания, экспортируются в невероятных объемах [8]. В результате этого «штурма» мирового рынка возрос и интерес к изучению корейского языка. Например, в Минском государственном лингвистическом университете в 2019 г. корейский язык изучали более 120 студентов. Спрос на специалистов со знанием корейского языка увеличивается по всему миру, благодаря процветанию и технологическому развитию Южной Кореи [2, с. 19].

Корейская языковая система богата такими взрывными звуками, как [p], [t], [k] и их вариациями, а английская – фрикативными, вроде [f], [v] или [h], поэтому при вхождении заимствованных слов звуки, не имеющие подходящего эквивалента, упрощаются. Выделяются следующие особенности заимствования английских слов в корейский язык:

(1) [s], [θ], [ʃ] – ㅅ или ㅆ

스포츠 ‘спорт’, 셔츠 от *shirt* ‘рубашка’, 썈더 от *thunder* ‘гром’;

(2) [z], [ʒ] – ㅈ

자브라 ‘зебра’, 장르 ‘жанр’;

(3) [f], [p] – ㅍ

폭스 от *fox* ‘лиса’, 폴란드 ‘Польша’;

(4) [v], [b] – ㅂ

비디오 ‘видео’, 바코드 от *barcode* ‘штрих-код’.

Кроме того, различия звуков [l] и [ɾ] в корейском языке не имеют фонологической значимости, поэтому при заимствовании английских слов со звуками [l] и [ɾ] – оба в корейском передаются с помощью буквы ㄹ: 레저 от *leisure* ‘досуг’, 라디오 ‘радио’ [2, с. 126–130; 9, с. 6–8].

Однако это не единственные фонетические различия в языках. В корейском языке буквы группируются в слоги, которые записываются вместе как единый орфографический юнит [4, с. 145–147]. Языки также отличаются своим отношением к сочетанию согласных – в корейском языке их использование в начале слога или его конце строго недопустимо. Таким образом, когда английское слово с подобной характеристикой входит в корейский

язык, в него добавляются гласные для образования дополнительных слогов. Например, слово *skate* ‘коньки’ в английском – двусложное слово, а в корейском *스케이/트* состоит уже из четырех слогов [2, с. 128–129]. Если говорить о длине слов, то, согласно исследованию NIKL (Национальный институт корейского языка) 2002 г., среднее число слогов в корейских словах составляет 2–3 слога [10]. Необходимо учитывать этот фактор при заимствовании длинных английских слов в язык, чтобы сами корейцы не чувствовали отчуждения или дискомфорта при их использовании.

Любые заимствования в языке должны сосуществовать в гармонии с исконными словами, следовательно, практически каждое иностранное слово со временем проходит через некоторые изменения, благодаря которым оно подстраивается под систему языка. В корейском языке среди таких изменений можно упомянуть деривацию, аббревиацию, акронимизацию, апокопу, а также слово- и основосложение. Давайте рассмотрим результаты некоторых из них.

Деривацию можно разделить на собственно деривацию и регрессивную. В первом случае к иноязычной основе добавляется корейский суффикс – как правило, это глагольный суффикс *하다* ‘делать’. Например, *로맨틱하다* – *romantic* + *하다* ‘романтичный’, *데이트하다* – *date* + *하다* ‘ходить на свидание’, *쇼핑하다* – *shopping* + *하다* ‘ходить по магазинам’, *샤워하다* – *shower* + *하다* ‘принимать душ’ и прочие подобные слова с легкостью образуются и отлично вписываются в агглютинативную структуру языка. При этом исходная иноязычная основа также может сохраняться в языке и выполнять роль существительного. Регрессивная деривация подразумевает обратный процесс – образование слова путем отсечения аффикса. В частности, английский суффикс множественного числа *-s* при заимствовании слова в корейский язык убирается, поскольку в последнем категория числа как таковая не имеет определяющего значения: *slippers* – *슬리퍼* ‘тапочки’, *high heels* – *하이힐* ‘туфли на высоком каблуке’ или *blue jeans* – *블루진* ‘джинсы’. Отсекаются и другие аффиксы, такие как *-ed* или *-ing*.

Апокопа – это усечение конечного слога или слогов слова, которое при этом не становится неузнаваемым. В корейском языке это явление встречается довольно часто, в особенности с заимствованиями. К примеру, *supermarket* – *슈퍼* ‘супермаркет’, *permanent wave* – *파마* ‘химическая завивка’, *Mercedes-benz* – *벤츠* ‘Мерседес-бенц’.

Осново- и словосложение также нередки для корейских заимствований, при этом во многих случаях получившееся в результате слово может оказаться неузнаваемым даже для носителя английского языка (т.н. «конглиш»), и не только в силу фонетических особенностей корейского языка. *도어폰* – *door* + *phone* ‘дверной звонок’, *가스레인지* – *gas* + *range* ‘газовая плита’, *아이쇼핑* – *eye* + *shopping* ‘осмотр витрин’ и т.д. Кроме сложения английских слов/основ, в процесс могут вовлекаться и корейские слова/основы: *감자칩* – ‘картофель’ + *chips* – ‘картофельные чипсы’, *신용카드* – ‘кредит’ + *card* – ‘кредитная карта’, *안전벨트* – ‘безопасность’ + *belt* – ‘ремень безопасности’, *디지털시계* – *digital* + ‘часы’ – ‘электронные часы’ [11, 12].

Само собой, не все англицизмы претерпевают кардинальные изменения, многие слова входят в корейский язык посредством одних лишь «простых» способов, вроде транскрипции или транслитерации: *드레스* – *dress* ‘платье’, *뮤직 박스* – *music box* ‘музыкальная шкатулка’, *스포츠카* – *sports car* ‘спортивная машина’ и др. [13].

Кроме того, нами было проведено исследование 2 000 самых распространенных слов в корейском языке по данным NIKL и только 2 % (41 слово) из них оказались английского происхождения.

Тем не менее, исходя из нашей статьи, можно сделать вывод, что роль английского языка в развитии лексикона корейского языка чрезвычайно велика. Хотя исторически китайский и японский языки и культура оказывали на корейский колоссальное влияние, в настоящий момент вследствие глобализации становится все труднее представить себе корейский язык без английского. Научно-технический прогресс порождает новые понятия, название которым зачастую может быть затруднительно подобрать, пользуясь средствами родного языка. Корейский язык также не обошла эта тенденция заимствований из английского языка. До середины XX в. Корейский полуостров был изолирован от Запада, однако после Корейской войны 1950–1953 гг. влияние англоязычной культуры, в особенности США, на язык новообразованной Республики Корея было велико и остается значительным до наших дней. Специалистами было подсчитано, что примерно 57 % корейской лексики имеет китайское происхождение, а 18 % включает в себя остальные заимствования, в том числе и англицизмы. Несмотря на разницу в фонологии и системах письма, корейский язык успешно заимствует английские слова.

Среди трансформаций, имеющих место при ассимиляции англицизмов, называют деривацию, апокопу, осново- и словосложение, а также транскрипцию и транслитерацию. Зачастую новообразованные слова вызывают затруднение при понимании англоговорящими (так называемый «конглиш»). Вопрос о том, является ли в настоящее время растущее число англицизмов угрозой корейскому языку, ещё подлежит исследованию и обсуждению. На данный момент нельзя сказать, что эта проблема остро ощущается носителями: из 2 000 наиболее частотных корейских слов около 2 % являются англицизмами. Безусловно, тема статьи актуальна как для востоковедения, так и в сферах общего языкознания и лексикологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Campbell, L.* A Glossary of Historical Linguistics / L. Campbell, M. Mixco. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2007. – 237 p.
2. *Kiaer, J.* The Routledge Course in Korean Translation / J. Kiaer. – N.Y. : Routledge, 2018. – 185 p.
3. Ethnologue. Languages of the World [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ethnologue.com. – Дата доступа : 24.08.2019.
4. *Kim-Renaud, Y.* The Korean Alphabet. Its History and Structure / Y. Kim-Renaud. – Honolulu : Univ. of Hawaii'i Press, 1997. – 325 p.
5. *Lee, K.* A History of the Korean Language / K. Lee, R. Ramsey. – N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2011. – 336 p.
6. South Korean Education [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://asiasociety.org/education/south-korean-education>. – Дата доступа : 20.08.2019.
7. South Korean local governments' budget for educational sectors in 2019, by sector (in trillion South Korean won) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.statista.com>. – Дата доступа : 21.07.2019.
8. The South Korean Economy Economics Essay [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ukessays.com>. – Дата доступа : 14.08.2019.
9. *Shin, J.* The Sounds of Korean / J. Shin, J. Kiaer, J. Cha. – Seoul : Cambridge Univ. Press, 2012. – 243 p.
10. Modern Korean Syllable Frequency Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.korean.go.kr>. – Дата доступа : 15.08.2019.
11. English Loanwords in Korean [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://linguistics-prihantoro.blogspot.com>. – Дата доступа : 15.08.2019.
12. Lexical Borrowing in Korea: “Konglish” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sites.google.com/site/hongkonglinguistics>. – Дата доступа : 16.08.2019.

13. Naver Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dict.naver.com>. – Дата доступа : 20.08.2019.

The article dwells on the development of English loanwords in Korean throughout the latter country's history and defines phonetical peculiarities of the Korean language. Alongside with describing most typical transformations that English words undergo when entering Korean, the author also discusses the research on 2 000 most frequent Korean words, 2 % of which turned out to be of English origin.

Д. Зангабади

перевод А. Абдаль-Маджида

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ХАМЫ КАРИМА АРЕФА «КРОВАВЫЙ УХОД»

Джалаль Зангабади – поэт, писатель и переводчик на несколько языков. Статья Д. Зангабади посвящена анализу романа курдского писателя Хамы Карима Арефа «Кровавый уход», созданному в середине 1980-х годов. Роман рассматривается как прорыв из того состояния застоя, которое на протяжении многих лет господствовало в курдской литературе. Это произведение представляет собой первое яркое и сильное описание событий, происходивших в период революции с курдским народом, столкнувшимся с произволом и несправедливостью со стороны иракской власти баасистов. Эта статья – первая серьезная литературная попытка, осуществленная признанным исследователем, который указывает на причины слабости и застоя курдской прозаической литературы.

Роман «Кровавый уход» отличается последовательный и художественный сюжет, основанный, главным образом, на полифонии рассказчиков, которые представляют различные взгляды, мнения, мировоззрения. Сюжет произведения отличается высокой динамикой, которая отсутствует в классическом тексте, где повествование ведется от одного лица. Полифония в романе позволяет изобразить сцены и ситуации с разных точек зрения, передать индивидуальные особенности и раскрыть характеры героев произведения. Один рассказчик следует за другим, что приводит к смене ракурса раскрытия не только характеров персонажей, но и темы самого романа, в результате чего «читатель вводится в лабиринт человеческих дилемм, с которыми сталкиваются персонажи, не для того, чтобы объединиться с ними с точки зрения превосходства или даже симпатии, как в традиционном романе, а с точки зрения открытия, которое требует четкой степени отделения от нарративной позиции» [1, с. 18].

Очевидно, что искусному писателю Хаме Кариму Арефу удалось успешно использовать сюжет романа, задействовав технику повествовательной поли-

фонии. В анализируемом романе «Кровавый уход» отсутствует всезнающий рассказчик. Вместо него, писатель вводит три уровня, или способа, представить разные временные слои и уровни реальности в повествовании. Для раскрытия сути романа, в том числе и характеров главных героев, связанных с ними событий и переживаемых ими эмоций, необходимым представляется классифицировать рассказчиков, их отношение к реальному миру. Они соотносятся с уровнем реалистичного мира:

1. Месту – основной рассказчик, главный герой, ведет повествование от первого лица (я). Как правило, он повествует о том, что происходит с ним здесь и сейчас. При повествовании от имени данного рассказчика монолог преобладает над повествованием. В ряде случаев автор использует прием внутреннего диалога.

2. Садек – рассказчик, который использует дуалистичную манеру повествования. С одной стороны, его повествование направлено к читателю, с другой – он ведет внутренний диалог с самим собой, обращаясь к себе на «ты», и ожидая ответы на поставленные вопросы.

3. «Анонимный» рассказчик. Читатель не знает, кто скрывается за маской данного рассказчика: один из персонажей романа или, возможно, сам автор. Этот рассказчик, по определению Марио Баргас Йоса [2, с. 45], являет собой отличительную характеристику современного романа в целом. В «Кровавом уходе» время от времени этот рассказчик вводится в повествование. Он сторонний наблюдатель: не участвует в описываемых событиях, не высказывает никаких оценок, не навязывает своего мнения. В произведении представлены и другие второстепенные рассказчики, чьи нарративы отделяются (экспоненциально) от трех основных рассказчиков и таким образом все голоса в романе перекрываются, пересекаются и повествовательно взаимодействуют. Следует отметить, что воспоминание обычно доминирует над описанием обстановки и по своей природе определяется особенностями памяти и воображения. При этом следует отметить, что сюжет выступает «контекстом событий в произведении и их взаимозависимости, приводящей к заключению» [3, с. 91]. Взаимозависимость, как правило, имеет причинно-следственную связь и основывается на диалектической связи между причиной и следствием. Повествование организовано в сюжет. В «Кровавом уходе» диалектическая связь временных моделей проявляется благодаря множеству повествований и их разнообразию. В анализируемом романе можно выделить следующие виды нарратива: обычные повествования и воспоминания, которые связаны с событиями прошлого. Повествование по своей сути образно. В романе важное место отводится предчувствиям. Так, например, Месту предчувствует подобный исход и для себя, когда описывает

смерть Сиябанда, а матери Месту Ате снятся вещие сны: накануне ареста ее мужа Садека она увидела это в одном из своих снов. Как и спустя много лет, во сне, она увидела то, что произошло с Месту. Эти повествовательные образы затем объединяются в единую канву повествования романа. Читатель получает возможность ощутить талант писателя, создающего единую конструкцию романа из разрозненных элементов нарративов и взаимосвязанных элементов, которые соединяются воедино и их уже невозможно разъединить. Личность (по своему физическому, психологическому и интеллектуальному состоянию) является одним из важнейших элементов романа, она связана с событиями и совокупностью конфликтов (субъективных и объективных). Действующие лица анализируемого романа прорисованы автором в мельчайших подробностях, что позволяет читателю воспринимать их как реальных во всем разнообразии проявления специфических особенностей: физиологических, психологических и интеллектуальных. Они все разные. У них разные точки зрения, убеждения. В этом аспекте следует особо отметить четко ощущаемое присутствие убитого Сиябанда через образы его матери, Садека, Месту и его врагов.

Характер угнетенных (таких, как Месту и Халифа Хедера) раскрывается через монологи, которые позволяют раскрыть их внутренние конфликты, психологические и когнитивные переживания, в то время как диалоги в целом выявляют конфликты между личностями, как в случае между Махмудом и Сиябандом.

Помимо содержания романа «Кровавый уход», его художественная форма привлекает внимание к композиции, которая формируется при развертывании художественного повествования. В структуру произведения входят рассказчик, место и время.

Помимо рассказчиков романа и действующих лиц, следует также обратить внимание и на такие элементы, как место, время и событие. Место в романе (реальное, воображаемое или объединяющее эти два) строится на описании, которое тесно связано с самими дескрипторами. Иными словами, места (главные и второстепенные), упомянутые в романе, не изолированы, а связаны с действующими лицами и событиями, как, например, при описании Месту, а также деревни и комнаты партийного руководителя Махмуда.

Что касается времени, то в романе «Кровавый уход» отсутствует объективное хронологическое время, а преобладает время психологическое, которое всегда основывается на воспоминаниях и воображении действующих лиц. Событие (реальное или воображаемое) связано с конкретным временем и основано на сюжетах, которые вызывают драматическое напряжение, например, свадьба Садика, потеря каравана и гибель Месту.

Стиль является существенным, он основывается на языке произведения, в соответствии с определением Йосы, согласно которому «романы состоят из слов. Это означает, что то, как романист выбирает лексику, формулирует и составляет словарный запас, является определяющим фактором для достижения убеждения его произведений» [2, с. 33]. В «Кровавом уходе» оригинальность стиля его автора проявляется в интерпретации популярных курдских пословиц и поговорок, например: Трус перед ослом – лев против седла, Взрослые выливают воду, а дети скользят [4, с. 22]; Ночь обязательно закончится [4, с. 26]; Бараны на мясо [4, с. 26]; Если ум отсутствует, душа будет потеряна [4, с. 26]; Бойся застойную воду [4, с. 29]; Пасется с овцами, а ест с волками! [4, с. 31]; Смерть так смерть; а зачем пинать и лягать [4, с. 31]; Это наш огонь – чужой девушке не дадим [4, с. 77]; Журавль безобидная птица, но питается змеями [4, с. 78]; В каждом волоске его бороды есть тысяча хитростей! [4, с. 78].

Для стиля писателя характерно повторение нескольких ключевых фраз, которые активизируют повествование, усиливают согласованность формы романа и придают ему динамичность. Примерами таких повторяющихся на протяжении всего романа фраз могут выступать следующие: «Здесь, в объятиях этой долины, солнце по-прежнему является основным индикатором времени утром, днем и вечером ...» [4, с. 35]; «Ха ... Он твой избранный человек, клянусь именем Всевышнего, если ведущий караваном такой тупой и невежественный, то сотня мудрецов не смогут вернуть канвой на правильный путь» [4, с. 41]; «Пешмерга – это тот, кто первым зажег великую революцию в своей душе ... Короче говоря, пешмергаит – это сущность революции и ее сердце; революция – это: изменение ... Изменение во всех сферах жизни...» [4, с. 43]; «Пешмергаит – это чистая любовь без лицемерия» [4, с. 42]; «Интересы партии превыше всего .... По решению партии, мы убиваем даже наших членов, чтобы сохранить единство в рядах партии, это то, чего требует железная организация, поэтому мы убиваем его, а затем проливаем слезы на его похоронах перед людьми ...» [4, с. 57]; И «везде, где есть тирания; есть и Пешмерга» [4, с. 42]. Данные фразы являются сквозными для анализируемого произведения, выполняя, прежде всего, текстообразующую функцию.

В переводе на арабский язык роман состоит примерно из 15 210 слов. По размеру его можно было бы отнести к новелле (короткому роману), но мы хорошо знаем, что литературное значение не измеряется объемом текста; самый короткий роман Кафки «Превращение» является более важным, чем «Замок» – самый длинный его роман. Следовательно, «Кровавый уход» является собой пример настоящего курдского романа, а его герои живут среди нас и по сей день.

В первой главе главный герой Месту через монолог восстанавливает разногласия, случившиеся между ним и его отцом Садиком после того, как он объявил о своем намерении присоединиться к партизанскому движению, к движению «пешмерга» в горах Курдистана. Затем повествование переходит к «стороннему» рассказчику, который рассказывает о том, что происходит между отцом Месту и его матерью.

Вторая глава повествует о том, что происходит между Садиком, отцом Месту, и его матерью, а еще рассказывается, как отец намеревался отречься от него. Затем повествование переходит к Садику, который вспоминает вещий сон его жены Ате, когда Месту был еще маленьким ребенком. Садика арестовали, затем последовали допрос и истязания его молодчиками иракских сил безопасности, но он молчал, несмотря на психологические и физические пытки. Отличительной характеристикой данной главы является тот факт, что, рассказывая о событиях своего прошлого, об аресте, Садик Дугри использует монолог, обращаясь к самому себе на *ты*. Подобное построение повествования проходит через весь роман.

Воспоминания об аресте в молодости стали решающим фактором неприятия Садиком решения сына Месту присоединиться к партизанам: «Нет, нет, почему я должен отречься от него?! А ты не знаешь о том, что он является сыном обреченного народа? И, что ты не знаешь, что сыновья обреченного народа обречены стать пешмергами?» [4, с. 33] ... Итак, мы видим, что под давлением решительности сына Садик принимает его решение.

В третьей главе Месту (после того, как он стал пешмергой) рассказывает, как однажды в сумерках он направился в одну курдскую освобожденную деревню для ночлега. Он подходит к окраине деревни, где открывается вид на долину, и его обуревают размышления. У источника, где обычно собираются женщины и девушки, Месту становится невольным свидетелем женского разговора. Он поражен услышанным, поскольку ничего подобного никогда не слышал: в деревне, в присутствии мужчин, женщины так не разговаривают. У Месту просто начинает раскалываться голова от шума детей, болтовни женщин, грохота ёмкостей, бочек, проклятий, болтовни девушек, шепота женщин, мольбы, проклятия жен, обиженных на своих мужей. «Пусть Бог накажет его слепотой! – паралич твоему языку – кокетка, дочь Фатимы пролила свою застенчивость! – Похоть ее вульвы разрывает ее разум! – Поздравляю тебя, О (Мена) косоглазая! – О (Малякия) злоупотребляешь в сожительстве с косоглазым – Пусть ослепнет глаз завистника! – Если бы ты стала женой моего брата – Боже, вы можете дать мне место, я спешу. – Она права, её бык возвращается! – Хотела бы я быть похожей на нее! – Тебя Бог ослепил?! Почему сунула свою руку в мою воду, разве ты не знаешь,

что я помоюсь этой водой после сношения (джанабы)?! – И я утешаю себя, что у меня есть муж, чтоб желтая лихорадка заразила его организм! – а что от тебя осталось, старая карга»?! [4, с. 37].

Месту рассказывает, как стал неожиданным гостем в доме Мирзы Исмаила, о разговоре Мирзы Исмаила о пешмергаите, о разговоре Мирзы с Халифой Хедером о конвое. Глава заканчивается уходом Месту из дома Мирзы поздно вечером. Он отправляется спать в мечеть с другими пешмергами, и такая ситуация была обычна в освобожденных курдских деревнях.

Четвертую главу открывает «сторонний» рассказчик, от которого читатель узнает, что Садик Дугри испытывает стресс и беспокойство, вызванные решением его сына вступить в движение пешмерга. Еще больше его беспокоил тот факт, что с некоторых пор от сына совсем не было новостей. Затем повествование передается самому Садику. Воспоминания истории брака Садика с Атой во времена, когда он был молодым пешмерга, содержат познавательную для читателя информацию о традициях и обычаях брака в курдском обществе (особенно в сельской местности). Вспоминает Садик и первую брачную ночь. После этих воспоминаний Садик говорит с Атой о сыне Месту. Жена предлагает ему: «Ну ... в честь той ночи; навести Месту», и он соглашается: «... завтра я отправлюсь к нему» [4, с. 52].

В пятой главе Месту рассказывает, как вернул одеяло, которое он одолжил прошлой ночью в доме Мирзы Исмаила, с деньгами, которые он нашел в нем. Жена Мирзы, Саба, поблагодарила его и благословила пешмергаите. После завтрака он отправляется в путь, обращаясь к себе: «Слава Богу, с тобой все в порядке; и ты не гнил, и вонючий запах коррупции еще не захватил тебя» [4, с. 54]. Затем он погружается в воспоминания о последствиях одной из битв, в которых пешмерга отступали; о том, как некоторые пешмерга ограбили дом поддерживавшего их Амида; о том, как в ответ на обращение Амида с просьбой о помощи к командиру пешмерга Сарбасту, тот грубо ответил ему: «Иди своей дорогой или в противном случае я заберу твою душу или ты убьешь меня как мученика!» [4, с. 56]. Это было первое столкновение в романе между положительными персонажами и коррумпированными членами вооруженного курдского движения. В этой главе из длинного монолога Месту мы узнаем об одном из самых коррумпированных руководителей, о хитроумном Махмуде, который действовал по принципу «цель оправдывает средства» и без угрызения совести под предлогом верности партии, народу и нации неизменно повторял: «Интересы партии превыше всего. Мы будем убивать даже наших членов, чтобы сохранить единство в рядах партии, вот чего требует железная организация, мы убьем и будем горевать и оплакивать их перед людьми» [4, с. 57]. Позже мы узнаем,

что именно он был вдохновителем заговора с целью убить пешмерга Сиябанда и Месту. Затем Месту раскрывает историю вероломного убийства Сиябанда – то, о чем ему рассказал отец.

В шестой главе «сторонний» рассказчик берет на себя повествование, он знакомит читателя с нечистым на руку Махмудом, его молодчиками и подлыми злодеями, сообщает о его сексуальных отношениях с Баруаной, сестрой сутенёра Ддира, приближенного Махмуда. Затем описываются первые замыслы их заговора против Сиябанда, пешмерга, выступившего против коррупции.

В седьмой главе «сторонний» рассказчик описывает освобожденную деревню и раскрывает причины напряженных отношений между дядей Азизом, и Халифой Хедером. Рассказчиком выступает Халифа. В главе повествуется об отчаянном положении пропавшего конвоя и напрасных усилиях найти его. В конце концов дядя Азиз окажется прав в том, что назначение, которое сделал Халифа Хедер, поставив неопытного человека во главе конвоя, было ошибкой. В конце этой главы молодой руководитель Джамаль, новый командир кавалерийской группы, признает горькую правду и вынужден принять решительные меры: «Внезапно он стал говорить с молодежью, кровь бурлила в его венах, у него затряслись поджилки от эмоций и гремел его голос:

– Друзья, наш конвой сбил с пути!

Они ответили ему в один голос:

– Значит, все кончено.

– Но мы не сможем обойтись без конвоя!

– Так мы не можем продолжать ... мы не можем жить. Давайте договоримся сегодня больше не танцевать под чужие барабаны и псалмы. Да, теперь мы должны понять самих себя, чтобы мы могли понять и других. И вообще смелость заключается в том, чтобы познать себя, свои способности и то, что мы можем сделать. И не обмануться самим, а потом не обмануть людей миражом пустых надеж и прихотей. А если всадник не рыцарь, то он будет обузой для лошади, а если погонщик конвоя не достоин быть лидером, то это приведет к потере самого себя и потере конвоя» [3, с. 80].

В восьмой главе от «стороннего» рассказчика мы узнаем о доносе, который был написан Саламом, одним из молодчиков Махмуда, с целью свергнуть пешмерга Сиябанда. В романе представлен диалог между Махмудом и Сиябандом, в ходе которого последний демонстрирует свои глубокие познания в экзистенциальной философии, ставшей его принципиальной позицией.

В девятой главе Месту вспоминает Мерам, мать Сиябанда, несчастную и измученную женщину, но звук сирены прерывает его мысли; он должен поспешить вместе с другими, чтобы помочь своим товарищам, вступившим

в бой, и остановить штурм сил иракской армии и курдских джахшук. В длинном монологе Месту вспоминает в деталях Сиябанда, который воспринимается в данном контексте как предупреждение и предчувствие собственной судьбы. Подтверждением его опасений становится тот факт, что сутенер Длир взял винтовку берно, оставшись позади всех, в то время, когда Месту отправился в бой в первых рядах. И предчувствие сбывается: Месту получает пулю в спину. Ранение оказалось смертельным. По возвращении пешмерга в деревню он умирает в деревенской мечети в окружении товарищей-пешмерга, среди которых были Мирза и дядя Азиз. Умирая, Месту думает о матери, которая ожидает ребенка. Его хоронят на деревенском кладбище.

В последней, десятой главе, от «стороннего» рассказчика мы узнаем о прибытии Садика Дугри, отца Месту, в деревню с целью забрать останки сына и перезахоронить их на городском кладбище. Затем повествование переходит к Садику и становится ясно, что его реальной целью является поиск ответа на волнующий мужчину вопрос о том, где находится рана у сына: спереди или сзади?! Чтобы установить истину, он спрашивает двух товарищей Месту, которые сопровождают его до окраины города: «У меня есть вопрос, который беспокоит меня. Я прошу вас, я прошу вас, ради Бога и Курдистана, ответить мне со всей откровенностью. Был ли Месту трусом, прятался и убегал от врагов?»

Клянемся Богом, он был героем во всех битвах, он всегда был героем в первых рядах, – Но почему я задал этот вопрос?! Из его уст донесся глубокий, горящий вздох: “Потому что он был ранен со спины!”» [4, с. 98].

Но убийство Месту – шахида-мученика – не является истинным завершением этого романа. В этой главе раскрывается процесс, ход и будущность жизни и борьбы. Беременная мать Месту рассказывает о своем последнем сне и просит своего мужа Садика принести жертву по всем правилам обычая ради безопасности ее и ребенка после рождения. Садик спрашивает: «Как мы назовем нашего сына, Ате?». И в ответ получает: «Пусть Месту даст ему имя, иди к нему в гости и пусть подберет ему красивое имя...назови его также Месту!»

Анализ произведения позволил выявить несколько других второстепенных историй, связанных с основной, которые, по словам Йосы, организованы по принципу китайской шкатулки или русской матрешки [2, с. 99], где подистории служат цели создать емкий и целостный образ всего повествования. Основная сюжетная линия «Кровавого ухода» – это история Месту, которая является главной, несмотря на то, что ей отводится немного места в романе. Она пересекается с историей его отца Садика, с историей конвоя, образами Махмуда и Сиябанда, которые оказываются связанными

с Месту и его отцом. История Месту выступает отправной точкой, осью и центром повествования романа; следующая по важности история конвоя, соотносимая с основным сюжетом; затем идет не менее важная история Сиябанда, которая может показаться вторичной. В романе «Кровавый уход» четко прослеживается тесная связь истории последнего конвоя, которая символизирует сентябрьскую революцию и ее поражение (1961–1975 гг.), с историей революции в романе (с 1976 г.), хотя в нем не содержится никаких упоминаний об этих датах.

«Кровавый уход» – яркое свидетельство смелости писателя и переводчика Хама Карима Арефа в раскрытии сложных вопросов, поднимаемых в романе. Это произведение стало результатом многолетнего труда писателя, библиография которого включает рассказы, статьи, исследования и переводы. Очевидно, что писатель не привержен какой-либо узкой идеологии. Как говорил Жан-Жак Руссо, «те, кто звонят в колокола, не участвуют в шествиях и праздниках!», поскольку писатель как художник-пророк неизбежно смотрит в будущее и через него на сегодняшний день, в отличие от политика, который видит, как правило, лишь ограниченное настоящее, результатом чего становятся проблемные отношения между ними. В «Кровавом уходе» писатель, как хронометр вечных ценностей, высказывает беспокойство по поводу современного мира, ведь, по словам Вацлава Гавела: «Люди превращаются в стадо баранов в обществе, которое теряет способность произносить слово “нет”». Поэтому честность признается обязанностью писателей и художников, которые должны срывать маски с подлого и ложного.

Рассказчик, переводчик и журналист Хама Карим Ареф написал этот роман в 1986 г. в освобожденной деревне Яхсмер, когда был в рядах пешмерга. Роман был ограничен в распространении, а некоторые лидеры курдских беженцев в то время сжигали экземпляры тиража в деревне Кассим раш на ирако-иранской границе в районе Сардашт. Несмотря на ожесточенное сопротивление этот роман был прочитан образованной частью пешмерга. Роман был переведен на фарси Шайканом (представителем иранского вооруженного движения) в 1987 г., который распространял копии до публикации курдского текста. Он был переведен на арабский язык в 1988 г. Фаизом Абу Шихабом – арабским молодым мосульским независимым интеллектуалом, присоединившимся к вооруженному курдскому движению. Эта работа не отличалась высоким качеством из-за множества сокращений и упущений.

До настоящего времени было опубликовано три издания «Кровавого ухода». На обложке последнего издания напечатано, что «Кровавый уход»

был первым в своем роде произведением, которое подняло острые вопросы современности. Роман стал призывом и обращением изменить состав вооруженного командования освободительного движения того время. Месту был многогранной личностью, его воспринимали по-разному: кто-то видел в нем Мирзу, кто-то – хитрого Махмуда или кого-то еще. Таким образом, через воображение читателя появляется многомерный Месту. Черты других персонажей читатель находит в реальных людях, что позволяет ему представить их вокруг себя.

Принимая во внимание все события, которые предшествовали появлению романа, следует сказать, что он представляет собой образец смелого содержания и высокого художественного уровня, вышедшей из-под пера великого писателя Хамы Карима Арефа в области курдского (художественного) романа. Когда Хама написал «Кровавый уход» и опубликовал его, когда он появился в арабском и персидском переводе, курдская романная литература только начинала развиваться, число курдских романов исчислялось единицами, поэтому «Кровавый уход» принято считать одним из ведущих романов в истории курдской литературы. Благодаря значительным политическим, социальным и культурным трансформациям в обществе 90-е гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. стали началом большого подъема курдского романа в качественном и количественном отношении.

В заключение приходится констатировать, что невысокий уровень развития реальной литературной критики в современном курдском литературоведении и искусствоведении является причиной того, что многие творческие культурные достижения остаются не замеченными широкой аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hafz, S. Alqisat alearabiat walhdath* / S. Hafz. – Bghdad : Dar alshoun alsaqafia, 1990. – 188 S.
2. *Barghas, M. Y. Rasayil 'iilaa riwayiyin shabi* / M. Y. Barghas; trans. S. Eilmani. – Dar almadaa lilthaqafat walnashr, 2005. – 134 S.
3. *Ebdalnwr, J. Almuejam al'adabi* / J. Ebdalnwr. – Bayrut : dar alilm lilmalaiin, 1979. – 674 S.
4. *Earif, H. K. Alrahil alddami* / H. K. Earif ; trans. J. Zangabady. – Arbil : Althakafa, 2012. – 95 S.

The article looks into events that happened in the years of the revolution when the Kurdish people faced injustice and arbitrariness from the Iraqi baasists. This article is the first serious literary attempt of the researcher to show the reasons of the weakness and stagnation of the Kurdish prosaic literature.

С. А. Лашукевич

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена вопросу фонетического преобразования иноязычных слов в турецком языке. Фонетические процессы проанализированы в исторической перспективе. Показаны пути проникновения основных заимствований с востока – из арабского и персидского языков, а также западных языков – греческого, французского, итальянского, английского. Описываются специфические черты турецкой фонетики, сформировавшиеся и сохранившиеся в период древнетюркского языка, позволяющие адаптировать заимствованные слова в соответствии с фонетическими правилами турецкого языка.

Турецкий язык – государственный язык Турецкой Республики – является одним из членов тюркской языковой среды. Это язык коренного населения Турции и турецкого населения Болгарии, Югославии, Кипра, Ирана, Сирии и других стран Азии и Европы относится к огузско-сельджукской подгруппе огузских языков. По классификации Н. А. Баскакова входит в огузско-сельджукскую подгруппу огузской семьи тюркских языков. Турецкий язык стал государственным после победы в 1923 г. кемалистской революции в Османской империи [2, с. 13].

Турецкий, как и все тюркские языки, по морфологической типологии относится к агглютинативным языкам, в которых ведущим способом словообразования является аффиксация. Словоизменение и словообразование происходят путем наращения в строго определенной последовательности особых служебных элементов – аффиксов к корню или основе слова. Процесс наращивания (агглютинации) сопровождается особым процессом уподобления (ассимиляции) качества гласных и согласных аффикса фонетическому составу корня или основы слога. В самом турецком корне также действуют законы ассимиляции, а именно гласные звуки как в составе турецкого корня, так и в соединении корня с аффиксами качественно определяются гласным первого слова. При агглютинации аффиксов к заимствованным словам качество гласного звука определяется качеством звука последнего слога. Этому закону подчиняется подавляющее большинство исконно тюркских основ и заимствований [1].

Современный турецкий язык относится к юго-западной (или западно-огузской) подгруппе тюркских языков.

В турецком языке 8 гласных фонем: *a, ı, u, o* (гласные заднего ряда), *e, i, ü, ö* (гласные переднего ряда); 21 (с мягкими вариантами – 24) согласная фонема: *p, b, f, v, t, d, s, ş, z, j, ç, c, m, n, l, (l'), r, y, k, (k'), g, (g'), h, ğ*.

Музыкально-силовое ударение в словах тюркского корня и в старых заимствованиях, падает, как правило, на последний слог; в многосложных словах оно двухполосное. Часто происходит ситуативное смещение сильного ударения. В ряде случаев ударение несет смыслообразительную функцию.

Согласно традиционному определению закон гармонии гласных состоит в том, что гласные, как в составе турецкого корня, так и в соединении корня с аффиксами, качественно определяются гласным первого слога. В словах нетурецкого корня, т.е. в заимствованных словах, закон гармонии гласных действует только при соединении подобных слов с турецкими аффиксами [4, с. 35].

Примеры с тюркскими основами:

Evlerimizde – *ev* + *ler* + *imiz* + *de*

Adımları – *adım*+*lar*+*ı*

Tutkularım – *tut* + *ku* + *lar* + *ım*

Примеры с заимствованными основами:

Kitaplarında (ар.) – *kitap* + *lar* + *ın* + *da*

Aktörüne (фр.) – *aktör* + *ü* + *ne*

Kemanınızdan (перс.) – *keman* + *ınız* + *dan*.

Таким образом, принцип сингармонизма прежде всего регулирует звуковой состав корней: в односложных корнях он вызывает ассимилятивное приспособление консонантизма к корневному гласному, а в неодносложных, кроме того, обеспечивает известную однородность вокализма. Далее принцип сингармонизма подчиняет звуковой состав аффиксов звуковому составу корня, вызывая прогрессивное уподобление аффиксальных гласных корневым и в то же время – уподобление аффиксальных гласных вокализму слова. Таким образом, все слово в целом приобретает однородный по известным признакам звуковой состав – однородный вокализм и однородный консонантизм, причем консонантизм по определенным признакам ассимилирован вокализму. Фактором, определяющим в значительной мере звуковой состав слова, оказывается в конечном счете вокализм его корня [1].

Словарный запас турецкого литературного языка состоит из двух больших разделов: слова тюркского происхождения и слова заимствованные. Слова тюркского происхождения это, как правило, двух-, трех-, четырехбуквенные основы, построенные по фонетическим принципам тюркских языков. Заимствованные слова представлены арабскими, персидскими, итальянскими, греческими, французскими, немецкими, английскими элементами.

Одним из основных источников обогащения словарного состава турецкого литературного языка и по сей день являются его языковые контакты с другими языками.

Арабские и персидские заимствования зарегистрированы в тюркоязычных литературных памятниках Малой Азии. Арабский язык в Средние века был языком религии, науки, школы и государственного управления. Персидский язык оказал свое воздействие на турецкий словарный запас через высокоразвитую персидскую художественную литературу.

Итальянские заимствования обязаны своим проникновением в турецкий язык обширной торговле с Османской империей, начиная с XV века. Большая часть финансовых, коммерческих и морских терминов заимствована в турецкий словарь из итальянского языка.

Греческие заимствования проникли в турецкий словарь главным образом двумя путями: 1) через освоение турками феодальных институтов в процессе покорения Анатолии; 2) через непосредственное общение с греками (румами).

Французские заимствования в своей массе начинают проникать в турецкий язык с конца XVIII в., благодаря открытию французских школ в Стамбуле и французской литературе. Французские заимствования представлены очень широко.

Английские заимствования (после Второй мировой войны – американские) начинают появляться в конце XIX в. и локализуются главным образом в областях техники, спорта, технологий и др.

Большая часть тюркоязычных народов с VII в. пользовалась арабским письмом. Были более ранние рунические алфавиты – орхоно-енисейский и уйгурский. Эти алфавиты были несовершенны. Однако, по мнению исследователей, орхонский алфавит был великолепно приспособлен к закону сингармонизма тюркского языка. С 1928 г. Турецкая Республика начала использовать алфавит на латинской основе: 29 букв, из которых 21 буква для согласных и 8 букв для гласных звуков [4, с. 8–9].

Говоря о принципах определения, является ли то или иное слово заимствованием в турецком языке, можно сказать, что, помимо длины основы, возможно опираться и на следующие правила образования фонетического состава слова.

Правила:

1. Заимствования не соответствуют закону гармонии гласных и согласных: *ateş, süvari, bekâr*.

2. В заимствованиях присутствуют долгие гласные звуки: *rüzgâr, hikâye*.

3. В тюркских корнях никогда не используются согласные *f* и *j*: *jale, buji, fûme, efekt*.

6. За небольшим исключением в тюркских корнях в качестве первого согласного не используются *c-, f-, ğ, h-, j-, l-, m-, n-, p-, r-, ş-, z-*.

7. Тюркские корни не начинаются с двойных согласных.

8. В конце тюркских корней возможны сочетания двух согласных: *-lç, -lk, -lp, -lt, -nk, -nt, -rç, -rk, -rp, -rt, -st, -şt: Türk, ters, ölç-, alt.*

9. В тюркских словах не допускается удвоения согласных (исключение: *elli, belli*).

10. В тюркских словах не допускается использование двойных гласных: *saat, şiiir* [7, с. 261].

Необходимо отметить, что в течение исторического развития древнетюркские основы фонетически эволюционировали и приобрели современную форму. Фонетическая эволюция выражалась в различных фонетических преобразованиях, например, регрессивной ассимиляции и нёбного притяжения.

Примеры регрессивной ассимиляции гласных звуков [8, с. 77]:

Др. тюр.	Совр. тур.
<i>Közel</i>	<i>Güzel</i>
<i>Yokarı</i>	<i>Yukarı</i>
<i>Ortu</i>	<i>Orta</i>

Примеры выпадения согласного звука [8, с. 78]:

Др. тюр.	Совр. тур.
<i>Karıg</i>	<i>Karı</i>
<i>Ölüg</i>	<i>Ölü</i>
<i>Oltur-</i>	<i>Otur-</i>

Примеры добавления согласного звука [8, с. 787]:

<i>İs</i>	<i>His</i>
<i>Ur-</i>	<i>Vur-</i>
<i>Tuç</i>	<i>Tunç</i>

Кроме этого, арабские и персидские заимствования в древнем тюркском языке эволюционировали по фонетическим правилам тюркских языков.

Примеры реализации принципа нёбного притяжения с гласными звуками в заимствованных словах [8, с. 79]:

Арабский	Турецкий
<i>Mümkîn</i>	<i>Mümkün</i>
<i>Müdir</i>	<i>Müdür</i>
<i>Hamır</i>	<i>Hamur</i>
Персидский	Турецкий
<i>Canaver</i>	<i>Canavar</i>
<i>Riçal</i>	<i>Reçel</i>
<i>Şelvar</i>	<i>Şalvar</i>

Примеры реализации принципа нёбного притяжения с согласными звуками в заимствованных словах [8, с. 80]:

Арабский	Турецкий (основа)	Турецкий (основа с аффиксом)
<i>kitab</i>	<i>kitap</i>	<i>kitabı</i>
<i>redd</i>	<i>ret</i>	<i>reddi</i>
<i>hesab</i>	<i>hesap</i>	<i>hesabı</i>
Арабский	Турецкий (основа)	Турецкий (основа с аффиксом)
<i>ceng</i>	<i>cenk</i>	<i>cenge</i>
<i>ceb</i>	<i>cep</i>	<i>cebim</i>
<i>umid</i>	<i>ümit</i>	<i>ümidim</i>

Если обратиться к заимствованиям из западных языков (кроме английского), то можно заметить, что такие слова также прошли определенную фонетическую адаптацию в соответствии с фонетическими законами турецкого языка. Необходимо отметить, что в результате фонетической модификации иностранного слова его разделение на слоги в турецком языке существенно различается от оригинала, однако произнесение такого слова для турецкоговорящего человека упрощено.

Примеры добавления гласной буквы [8, с. 90]:

Оригинал	Турецкий эквивалент	Деление на слоги в турецком языке
<i>station</i> (фр.)	<i>İstasyon</i>	<i>is-tas-yon</i>
<i>scala</i> (ит.)	<i>iskele</i>	<i>is-ke-le</i>
<i>stavros</i> (греч.)	<i>istavroz</i>	<i>is-tav-roz</i>
<i>statistique</i> (фр.)	<i>istatistik</i>	<i>is-ta-tis-tik</i>
<i>groschen</i> (нем.)	<i>kuruş</i>	<i>ku-ruş</i>
<i>club</i> (фр.)	<i>kulüp</i>	<i>ku-lüp</i>

Примеры добавления согласной буквы [8, с. 91]:

Оригинал	Турецкий эквивалент
<i>laboratoire</i> (фр.)	<i>laboratuvar</i>
<i>dialogue</i> (фр.)	<i>diyalog</i>
<i>conservatoire</i> (фр.)	<i>konservatuvar</i>

Пример чередования согласных звуков [8, с. 92]:

Оригинал	Турецкий эквивалент
<i>horyat</i> (греч.)	<i>hoyrat</i>
<i>boreas</i> (греч.)	<i>poyras</i>

Отдельного внимания заслуживают заимствования из западных языков, которые адаптируются в турецком языке, однако только в устной речи, сохраняя на письме «нарушения» фонетической нормы турецкого языка.

Примеры добавления гласного звука в устной речи:

Оригинал	Турецкий эквивалент	Транскрипция
<i>groupe</i> (фр.)	<i>grup</i>	[gurup]
<i>programme</i> (фр.)	<i>program</i>	[purogram]
<i>tourisme</i> (фр.)	<i>turizm</i>	[turizim]
<i>train</i> (фр.)	<i>tren</i>	[tiren]

Отдельного внимания заслуживают заимствования из английского языка. Английские слова начали поступать в турецкий язык еще в XIX в. главным образом в областях техники, спорта, технологий. После Второй мировой войны, а также вступления Турции в военный блок англицизмы поступали из американского варианта английского языка. Английский язык так же, как и другие европейские языки, и непосредственно современный турецкий язык, использует алфавит на базе латинского алфавита. Однако правила чтения на английском языке существенно отличаются от правил, например, французского языка, который ранее являлся основным «донором» заимствований в турецкий язык. Кроме того, английский язык продолжительное время сохраняет статус языка высоких технологий и развития. В свою очередь современная Турция всегда стремилась поддерживать тенденцию к развитию и усилению контактов с миром технологий и прогресса. Таким образом, турецкий язык в настоящее время сохраняет непосредственный контакт с мировым языком – английским [5, с. 9].

Алфавит современного турецкого языка также базируется на латинском, однако правила чтения слов и ряда букв отличаются от принятого в английском языке. Несмотря на это, турецкий язык активно заимствует слова из английского языка (американский вариант) и адаптирует их согласно собственной фонетической норме.

Заимствования из английского языка можно разделить на две группы: 1) фонетически адаптированные и адаптированные на письме; 2) фонетически адаптированные в устной речи, но сохранившие оригинальный вариант написания латинскими буквами.

Примеры фонетической и орфографической адаптации:

Оригинал	Турецкий эквивалент	Транскрипция
<i>design</i> (англ.)	<i>dizayn</i>	[dizayn]
<i>slide</i> (англ.)	<i>slayt</i>	[slayt]
<i>briefing</i> (англ.)	<i>brifing</i>	[brifing]
<i>off side</i> (англ.)	<i>ofsayt</i>	[ofsayt]
<i>shoot</i> (англ.)	<i>şut</i>	[şut]
<i>ligue</i> (англ.)	<i>lig</i>	[lig]

Примеры фонетической адаптации:

Оригинал	Турецкий эквивалент	Транскрипция
<i>part time</i> (англ.)	<i>part time</i>	[<i>part taym</i>]
<i>by pass</i> (англ.)	<i>by pass</i>	[<i>bay pass</i>]
<i>catering</i> (англ.)	<i>catering</i>	[<i>ketering</i>]
<i>work out</i> (англ.)	<i>work out</i>	[<i>vorkaut</i>]
<i>illegal</i> (англ.)	<i>illegal (mup.)</i>	[<i>illegal'</i>]

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Турецкий язык в течение столетий сохранил основные принципы фонетической адаптации слов в соответствии с правилами древнего тюркского языка.

2. Заимствования из арабского и персидского языков прошли фонетическую адаптацию в старотурецком языке и стали языковой нормой.

3. Заимствования из греческого языка попадали в староосманский в период освоения Анатолийского полуострова, прошли фонетическую адаптацию и стали языковой нормой.

4. Заимствования из европейских языков, кроме английского, попали в поздний период староосманского языка и в современный турецкий язык, прошли фонетическую адаптацию и стали языковой нормой.

5. Заимствования из английского языка поступали и продолжают поступать в современный турецкий язык посредством рекламы, СМИ, деловых контактов, спортивных событий, технологий, постепенно они нормализуются лингвистическим обществом Турции.

Поскольку как английский, так и современный турецкий язык используют алфавит на базе латинского, то зачастую адаптация происходит только на фонетическом уровне, не затрагивая написание английского слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева, С. Н. Фонетические особенности турецкого языка в сравнении с другими тюркскими языками (на примере азербайджанского языка) / С. Н. Алиева // Издания ПГУ. Сер. Университетские чтения. – Пятигорск. – 2012. – Ч. 7.
2. Баскаков, Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков / Н. А. Баскаков // Известия АН СССР. Отд-ние. лит. и яз. – Т. XI. Вып. 2. – М., 1952. – С. 121–134.
3. Буров, А. Г. Из истории изучения западноевропейских заимствований в турецком языке: работы российских и украинских исследователей / А. Г. Буров // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 31. – 170 с.

4. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. – Л.; М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 569 с.
5. Мамедова, Н. Я. Обогащение словарного состава турецкого литературного языка английскими заимствованиями / Н. Я. Мамедова // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – Т. 22 (61). – 2009. – № 3. – С. 137–142.
6. Назарова, Г. Ш. Лексикология современного турецкого языка / Г. Ш. Назарова. – Ташкент : Изд-во ТашГИВ, 2002. – 72 с.
7. Bozkurt, F. Türklerin Dili / F. Bozkurt // T. C. Kültür Bakanlığı. 2. bsk. – Ankara, 2002. – 744 s.
8. Demir, N. Türkçe Ses Bilgisi / N. Demir, E. Yılmaz // Anadolu Üniversitesi Yayını – No: 2362. – 167 s.

The article deals with the issue of phonetic adaptation of foreign borrowings in the Turkish language. The specific peculiarities of Turkish phonetics that developed in the Old Turkic dialect and remained in the present Turkish are described. Due to these rules new borrowings are being phonetically adapted in the modern Turkish language.

В. А. Медюлянова

БЕНЕФАКТИВ КАК КОСВЕННОЕ СРЕДСТВО ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье бенефактивная конструкция японского языка рассматривается как дополнительное языковое средство, позволяющее декодировать роли участников ситуации, выраженной предложением. Выделены основания, по которым бенефактив может выполнять дейктическую функцию.

В грамматической семантике бенефактив рассматривается как вид повышающей актантной деривации, вводящий в актантную структуру глагола нового положительно затронутого ситуацией участника [1]. Таким образом, бенефактив попадает в круг вопросов, представляющих интерес для исследователей персонального дейксиса, предметной областью которого является указание на лицо и его роль в обозначаемом предложением событии.

В японистике существуют разные точки зрения на рассмотрение данной грамматической категории, что привело к появлению различных терминов для ее обозначения. Например, Б. П. Лаврентьев называет ее директивом [2], исходя из обозначения бенефактивными конструкциями направленности действия субъекта в интересах объекта. Такая трактовка отражает необходи-

мый в целях нашего исследования аспект распределения ролей между коммуникантами. Однако мы в данной работе, вслед за В. М. Алпатовым [3] и М. Сибатани [4], будем использовать термин «бенефактивная конструкция», или «бенефактив»¹, признавая первичность функции бенефактива сообщать о наличии выгодополучателя (бенефицианта) действия. Кроме того, в японском языке имеются грамматические конструкции, вовлекающие глаголы 来る 'приходить' и 行く 'идти (уходить)', которые в силу своей лексической семантики непосредственно указывают на направленность действия во времени и пространстве и по праву могли бы именоваться директивными.

В японском языке бенефактивные конструкции чрезвычайно употребительны. Они образуются путем грамматикализации конверсивных глаголов, обозначающих оппозицию «давать» – «получать», в их разных стилистических вариантах: くれる [kureru] 'давать', 下さる [kudasaru] 'давать', 貰う [morau] 'получать', 頂く [itadaku] 'получать', あげる [ageru] 'давать', やる [yaru] 'давать', 差し上げる [sashiageru] 'давать, преподносить'. Из представленного ряда глаголов первые четыре являются самыми употребительными. В частотном словаре японского языка данные вспомогательные глаголы в составе бенефактивных конструкций занимают 114-ю, 172-ю, 198-ю и 252-ю позиции соответственно. Они присоединяются к исходному глаголу в деепричастной форме, образуя новый сложный глагол с бенефактивным значением.

Как отмечалось выше, семантическая структура нового сложного глагола по сравнению с исходным содержит дополнительный актанта, который также подлежит декодированию в дискурсе. Статус нового участника зависит от семантики вспомогательного глагола, служащего для образования бенефактивной конструкции. В японском языке глаголы *kureru*, *kudasaru*, *ageru*, *yaru*, *sashiageru*, означающие 'давать', вводят в семантическую структуру глагола участника с ролью бенефицианта – как правило, лица, испытывающего благодарность за оказанное ему одолжение, проявленное великодушие. В примере (1) с глаголом *kureru* бенефициантом выступает 1-е лицо мн. числа.

(1) ガイドが私達を博物館へ案内してくれた。 [gaido ga watashitachi wo hakubutsukan he annai shite **kureta**] 'Гид [был так добр, что] провел нас к музею'.

Грамматикализация глаголов *morau*, *itadaku*, означающих 'получать', приводит к появлению участника с ролью бенефактора, выполняющего действие по просьбе бенефицианта. В примере (2) с глаголом *morau* в роли бенефактора выступает, скорее всего, парикмахер.

---

¹ Следует отметить, что в лингвистике словом *бенефактив* обозначается также роль выгодополучателя, как, например, в Тестелец 2001.

(2) 私は髪の毛をカットしてもらった。[watashi wa kami no ke wo katto shite moratta] 'Я постригся.'

В качестве средства указания на лицо бенефактив может использоваться по следующим основаниям: а) из-за его социальной маркированности; б) в силу наличия в его семантике компонента направленности действия от производителя действия к его получателю и наоборот, обусловленного наличием такого же компонента в исходных вспомогательных глаголах конверсивной пары «давать – получать».

Рассмотрим подробнее каждое из выделенных оснований. Как отмечает В. М. Алпатов, общую ситуацию «смены владельца» бенефактивные глаголы отображают по-разному, в зависимости от значения следующих трех признаков [3, с. 337]: 1) с чьей точки зрения (дающего или получающего) описана ситуация; 2) признак «свой vs чужой»; 3) признак «свой vs равный vs низший». Таким образом, выбор конкретного вспомогательного глагола для присоединения к основному глаголу зависит также от того, к какому уровню в социальной иерархии или к какому possessивному полю (свой vs чужой) относит говорящий себя и своего собеседника.

В результате в группе бенефактивных японских глаголов оформились функциональные различия при их употреблении с ориентацией на иерархический статус собеседника. Гоноративный глагол *kudasaru* 'давать' используется в речи о действиях 2-х, 3-х лиц, превосходящих по статусу говорящего. Аналогичным образом используются депрециативные глаголы *itadaku* 'получать', *ageru* 'давать', *sashiageru* 'давать, преподносить', но уже при обозначении действий 1-го лица. Использование вспомогательного глагола *ageru* в этом отношении носит двоякий характер: при обращении 1-го лица к постороннему или старшему формы с *ageru* могут приобретать значение снисходительности [1, с. 175]. Вспомогательный глагол *yaru* применяется при обозначении действий говорящего, оценивающего свой статус выше, чем собеседника.

Глаголы *kureru* 'давать' и *morau* 'получать' являются самыми нейтральными по отношению к статусу адресата речи, т.е. используются говорящим как при симметричном, так и при асимметричном общении, таким образом нейтрализуя социальные предпосылки их использования в качестве средства персонального дейксиса. Поэтому как дейктические они могут использоваться в силу действия второго фактора, а именно, наличия в их семантике компонента направленности действия. Сравним следующие примеры без бенефактивной конструкции (3) и с ее добавлением в (4) путем присоединения к основному глаголу 包む [sutsumu] 'заворачивать' вспомогательного глагола *kureru* 'давать'.

(3) その店員が贈り物を紙に包んだ。[sono ten'in ga okurimono wo kami ni **tsutsunda**] ‘Продавец завернул подарок в бумагу’.

(4) その店員が贈り物を包んでくれた。[sono ten'in ga okurimono wo **tsutsunde kureta**] Продавец завернул мне подарок’.

Пример (4) в оригинале не содержит личного местоимения *мне*. Анализ примеров из частотного словаря японского языка показал, что при наличии в предложении бенефактива в подавляющем числе случаев местоименное указание на лицо-бенефицианта не производится. Бенефактивный глагол при этом указывает направленность действия на автора высказывания, т.е. бенефициантом является 1-е лицо. В диалоговом режиме интерпретации бенефициантом является 1-е лицо, а бенефактором – 2-е лицо, либо наоборот, в зависимости от направленности действия, выражаемой вспомогательным глаголом. Использование личных местоимений в высказываниях, содержащих бенефактив, в ряде случаев становится излишним. Поэтому субъект и объект действия в таких конструкциях могут оставаться неактуализированными в поверхностной структуре, особенно если их значение поддается контекстом ситуации:

(5) 塩取ってくれる? [shio totte **kureru**] ‘Можешь передать мне соль?’.

В оригинале примера (5) отсутствуют личные местоимения *мне* и *ты*, но бенефактивная конструкция указывает на наличие бенефактора и бенефицианта. В данном случае использован вспомогательный глагол *kureru* ‘давать’, указывающий на получение выгоды говорящим *я* от адресата *ты*.

В случаях, когда вектор бенефактивного действия исходит и направлен не на участников диалога, а на третьи лица, субъект либо объект бенефактива получает формальное выражение в предложении с помощью местоимений либо назывных слов:

(6) 稚園の先生は 転んでけがをした子に やさしく手当てをしてあげました。yo[chien no sensei wa koronde kega wo shita ko ni yasashiku teate wo shite **agemashita**] ‘Воспитатель детсада добродушно оказал помощь упавшему и поранившемуся ребенку’.

Высокая частотность употребления бенефактива без использования личных местоимений, указывающих на актантов сложного бенефактивного глагола, приводит к стертости заложенных в конструкцию первоначальных смыслов. Такой прагматический компонент в семантике данной конструкции, как чувство благодарности за оказанное действие и др., не актуализируется, хотя предполагается, что «любое бенефактивное действие является собой объект благодарности» [5, с. 92]. Особенно подвержены данному явлению глаголы *morau* и *kureru* ввиду их относительной нейтральности по социальному признаку. На первый план выводится дейктическая функция:

(7) Начальник – подчиненному:

ちゃんとメモをしておいてくれないと、困るよ。 [chanto memo wo shite oite **kurenai** to komaru yo] ‘Так не пойдет, если ты не будешь записывать все, как следует’.

(8) マッサージをしてもらった [massa:ji wo shite **moratta**] ‘Мне сделали массаж’.

В примере (7) согласно логике иерархии начальник не может расцениваться как выгодополучатель от добросовестного выполнения подчиненным своих обязанностей. Пример (8) подобным образом может описывать оказание возмездной услуги. Очевидно, что в таких случаях активизируется дейктическая функция, которая смещает бенефактивную с первой позиции.

Таким образом, можно утверждать, что ввиду функциональных различий, обусловленных социальной маркированностью бенефактивных глаголов конверсивной оппозиции «давать – получать», а также в силу присутствия в их семантике компонента направленности действия от бенефактора к бенефицианту, которыми в диалогическом режиме интерпретации являются говорящий и слушающий, бенефактив является косвенным дейктическим средством, позволяющим обходиться в речи без личных местоимений. Причем, при отсутствии личных местоимений дейктическая функция для бенефактивных конструкций становится ведущей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плунгян, А. В.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / А. В. Плунгян. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. – 672 с.
2. *Лаврентьев, Б. П.* Практическая грамматика японского языка / Б. П. Лаврентьев. – 3-е изд., испр. – М. : Живой язык, 2002. – 352 с.
3. *Алпатов, В. М.* Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. Кн. 1 / В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская // Рос. гос. гуманитар. ун-т; Ин-т востоковедения РАН. – М. : Наталис, 2008. – 559 с.
4. *Shibatani, M.* Benefactive constructions: A Japanese-Korean comparative perspective / Japanese-Korean linguistics. V. 4. Stanford (CA): SCLI Publications, 1994. – p. 39–74.
5. *Воротилина, Е. Н.* Лингвопрагматические особенности и средства выражения бенефактивной ситуации / Е. Н. Воротилина // Педагогические мастерские. – Киров, 2019. – Вып. 5. – С. 92–98.

The article analyses benefactive constructions in the Japanese language as indirect means of person deixis. Due to the presence of the component of the direction of action in their semantics and functional differences in use benefactive constructions contribute to person identification in speech.

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В статье идет речь о первых попытках европейских путешественников побывать на Аравийском полуострове. Автор рассматривает причины и цели этих поездок в разные периоды, а также труды и наблюдения путешественников; связывает эти процессы с развитием научного направления – востоковедения.

Аравийский полуостров привлек внимание многих исследователей и путешественников со всего мира благодаря своим многочисленным характеристикам, важнейшей из которых является существование исламских священных мест и богатая история многих великих древних цивилизаций, а также географическое положение, благодаря которому он находился в сердце древнего мира на основных торговых путях.

Многие путешественники интересовались, как добраться до Мекки и Медины, и действительно, многие из них приезжали в эти места. Были такие, что изучали арабский язык, а некоторые даже принимали ислам. Эти приключения, которые могли стоить жизни авантюристу, обусловлены несколькими причинами. Европейцы стремились быть в числе первых, кто пытался изучить Аравийский полуостров, особенно Мекку и Медину, кто хотел познакомиться с обычаями и традициями народов, а некоторые из них хотели бросить вызов другим, чтобы получить доступ к земле, которую Бог запретил немусульманам.

Концепция путешествия ради науки и знаний развивается с XVI в. и направлена главным образом на сбор географической информации и изучение привычек народов, их жизненных и политических условий. Западный путешественник был описан как цивилизованный человек со сложным видением жизни, как обладатель культурного послания, который хочет распространить его среди слаборазвитых народов и путешествует, чтобы записать свои политические взгляды и новости о местах, которые он посетил, на благо народа, правительств или учреждений, которые его отправили.

Литература путешествий представляла большой интерес и несравнима по своему разнообразию и множеству областей, несмотря на неоднозначность ее реальных мотивов. Книги ученых, духовенства, политических, военных и разведчиков, которые посетили регион, включают в себя огромные сведения, которые касаются населения, урбанизации, флоры и фауны, а также картирования и расположения археологических городов и определения дорог и богатых мест обитания. Среди авторов Лудовико Вартема, Джозеф Бейтс, Уильям Гиффорд Палгрев, Чарльз Датти, Гарри Сент-Джон Филби и др. [1].

В 1632 г. в Кембриджском университете была открыта кафедра арабского языка, а через двадцать лет на арабском языке была напечатана Библия. В XVIII в. был впервые переведен на английский язык Коран, а также некоторые художественные арабские книги, например, «Тысяча и одна ночь» [1], и с тех пор Восток и, в частности, арабские страны стали находиться в центре внимания Запада и его народов.

Востоковед Кристиан Снук Хор Кронье во время своего путешествия в Мекку между 1884 г. и 1885 г. написал свою знаменитую книгу «Мекка», состоящую из двух частей. В ней он рассмотрел свое восприятие положения мусульман в Аравии и Ост-Индии, где прожил 17 лет, работая в качестве консультанта по восточным и исламским вопросам. Одним из мотивов поездки Снука в Аравию была разработка планов и рекомендаций по устранению антиголландского влияния. Мекка была главной движущей силой восстания против голландцев в Исламском мире [2].

Позитивным аспектом путешествия голландского востоковеда стал научный подход во многих исследованиях, которые он проводил в своих путешествиях, особенно в области юриспруденции и религии, и которые оказали большое влияние на движение востоковедов в Европе. Жизнь на Востоке позволила ему стать более точным и вдумчивым в своих суждениях и темах, чему способствовало хорошее знание арабского языка.

Обширное путешествие также совершил французский востоковед Леон Рош, который посетил регион Хиджаз в 1842 г., одеваясь в арабскую одежду, выпустивший затем в 1884 г. книгу «32 года в исламе» [3]. Главная цель поездки Роша состояла в том, чтобы получить юридическое одобрение религиозных лидеров на фетву, составленную французами в знак протеста против сопротивления алжирского принца Абделькадера.

В своей поездке Л. Рош описал политическую и религиозную ситуацию, сложившуюся в то время в Саудовской Аравии, изобразил яркие проявления исламизма в ряде городов и мест региона Хиджаз, включая Янбу аль-Бахр, Бадр Ханин, Таиф, расположенные рядом с Меккой и Мединой.

Также арабскому миру известен швейцарский путешественник Беркхарт. Он взял арабское имя шейх Ибрагим ибн Абдалла Аш-Шаами. Хотя он и не был первым европейским путешественником, посетившим два священных города Аравии, но первым составил их точное описание.

Беркхарт вырос в Базеле (город на крайнем северо-западе Швейцарии) в богатой семье предпринимателей. Позже он переехал на Ближний Восток, где некоторое время оставался в Сирии, чтобы овладеть арабским языком,

затем уехал в Иорданию, где в 1809 г. заново открыл Петру, бывшую столицу набатейцев, а также предоставил своему правительству важные сведения о местной политической ситуации в регионе.

Беркхарт написал две книги «Путешествия в Аравию» (1822) и «Записки о саудовских бедуинах» (1829), которые повествовали не только об образе жизни бедуинов и о политическом развитии Аравии, но также содержали подробную информацию обо всем, что происходит в священных городах и мусульманском храме Кааба [3].

Доктор Дионисий Агиус, профессор ближневосточных исследований в Университете Лидса, подтверждает, что желание контролировать города Джидду и Аден, чтобы получить доступ к торговле в Красном море, побудил португальцев захватить эти города в XVI в. и установить контроль над торговым движением из Восточной Африки, Индии и Китая [4].

Основной целью экспедиций португальцев была конкуренция с мамлюками в Египте за контроль над восточными караванными путями и с итальянцами в восточном Средиземноморье.

Среди известных поездок в Аравию также было путешествие португальского адмирала Альфонсо де Альбукерке, который приплыл к Красному морю и планировал занять Медину, чтобы захватить ковчег пророка Мухаммеда и потребовать выкуп, а именно Иерусалимскую церковь, но потерпел неудачу [4].

Известно также путешествие Грегора Дакодры из Португалии в 1516 г., а также британца Арчибальда Фордера, который прибыл в Аравию, открыто призывал людей принимать христианство и пытался продавать им Евангелие. Тем не менее, экономический аспект, наряду с политическим, был одной из колониальных целей. XVII век характеризовался соперничеством между португальцами, голландцами и британцами. Они стремились установить торговые отношения с правителями Йемена и арабского Юга. Некоторые европейские купцы пытались создать различные торговые поселения на побережьях Йемена и Персидского залива, особенно после того, как европейцы узнали о кофейном напитке. Например, Годриан совершил миссию в Сану, там же побывали голландский капитан Питер ван де Брок, Генри Миддлтон и др., сохранились их записи о том, что они видели в Аравии и в Йемене [4; 5].

Цели всех путешественников не выходили за рамки мониторинга политических, социальных, религиозных и экономических условий Аравийского полуострова, поэтому первой, кто посетил Святую Землю у мусульман и составил отчет о своей поездке, была испанская путешественница Бадия Либли. У России также были свои амбиции в регионе, о чем свидетельствует

тот факт, что русский царь отправил Ульриха Яспера Зеетцена в поездку в Аравию. Тот прибыл в Мекку в качестве паломника, а затем отправился в Йемен, где был убит в 1811 году [1; 5].

В 1845 г. финский путешественник Георгий Август Валин, известный также как Абдул Вали, по заказу Хельсинкского университета отправился в южный Наджд для получения информации о людях региона. Он не смог сразу достичь своей цели и покинул этот район, а затем снова вернулся и в апреле 1848 г. посетил Табук. Английский офицер Ричард Бертон совершил хадж в 1853 г. и посетил Мекку, Медину, Джидду и Янбу.

Наполеон III финансировал путешествие Уильяма Гиффорда Белгрейва, который прибыл в Каир, затем в Маан (1862), а из Маана, через Аравию, посетил Аль-Джуф, Бурайду, Эр-Рияд, Эль-Хуфиф, Бахрейн, Катар и Кувейт, и около года продолжал свое путешествие под именем Салима Абу Мухаммеда Ильяса.

В 1853 г. сэр Ричард Бертон совершил миссию по изучению области между Маскатом и Хиджазом [1; 2; 6].

Двадцать Чарльз присоединился к колонне паломников в 1876 году. Его книга «Поездки в Аравийскую пустыню» является одним из лучших изданий о путешествиях, содержащих важный научный материал.

Энн Блант и ее муж Уилфред Блант во время поездки на Аравийский полуостров в 1881 г. в поисках арабских лошадей записали свои наблюдения в книге под названием «Паломничество в Наджд, место рождения арабского человека». Также итальянец Карло Гуармани, который сосредоточил свое исследование на покупке арабских лошадей, опубликовал в 1866 г. книгу под названием «Северный Наджд, поездка из Иерусалима в Унайзу в Кассиме». Немец Юлий Отенг совершил свою поездку в Аравию в 1883 г. и обнаружил там тысячи надписей на арамейском и набатейском языках [6].

В 1878 г. французское министерство образования поручило Шарлю Хопперу совершить поездку в Наджд. Он совершил первые две поездки в 1878 г. и оставался там четыре года, в течение которых обнаружил камень Тайма, а в 1882 г. под эгидой Французского географического общества он посетил Алжуф, Град и Тайму. Хоппер вернулся в Джидду, а затем отправился в Град, но был убит по дороге туда 29 июля 1884 года [7].

В 1884 г. голландский путешественник Кристиан Снук Харкуни, по имени Абдул Гаффар, прибыл в Джидду, а затем в 1885 г. вошел в Мекку. В 1910 г. француз Жиль Жерве-Кортельмон стал одним из немногих европейцев, который смог исполнить свое желание попасть в Мекку и Медину, в то время как немусульманам было трудно это сделать. В поездке он использовал

камеру для съемки фотографий из Мекки и Джидды, которые сегодня являются историческими документами одного из важных периодов в истории Саудовской Аравии [7].

Эти путешественники внесли свой вклад в историю Аравийского полуострова, хотя большинство из них прибывали туда исключительно в политических целях. Нет сомнений в том, что экономическая, политическая и социальная ценность этих поездок имеет большое значение, поскольку они восходят к периоду неопределенности в истории Аравийского полуострова, так же, как и работа, которую они проделали, несмотря на опасность, приводящую к гибели некоторых путешественников. Все это заставляет нас уважать их усилия, независимо от тех целей, к которым они стремились.

Путешествия европейских исследователей на Аравийский полуостров продолжались почти четыре столетия.

Путешествия западных исследователей в Аравию и ее города в XVI–XVII вв. носили индивидуальный характер. Они были неоднозначны и в целом опасны для жизни, но их результаты вызывают научный интерес. В последующие века они носили религиозный, миссионерский, военный, официально-политический характер или совершались для научных и исследовательских целей. В целом западные путешественники изучали эти места и фиксировали некоторые наблюдения, которые редко привлекали внимание арабских путешественников, посещавших одни и те же места.

Посмотрев, что западные путешественники написали об арабском полуострове, можно найти огромное количество полезной информации, тщательные наблюдения и глубокий анализ жизненных вопросов. Действительно, результаты этих поездок заложили основы развития такой науки, как востоковедение

ЛИТЕРАТУРА

1. الجزيرة العربية (Востоковеды на Аравийском полуострове) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <http://www.alhayat.com/article/505178/الجزيرة-العربية-المستشرقون-في-الجزيرة-العربية>. – Дата доступа : 29.08.2019.
2. بداية الاستشراق (Начало востоковедения) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <http://www.arabicmagazine.com/arabic/articleDetails.aspx?Id=4153>. – Дата доступа : 01.09.2019.
3. الجزيرة العربية في عيون الرحالة الغربيين (Аравийский полуостров глазами западных путешественников) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <https://www.alayam.com/Article/courts-article/412204/>. – Дата доступа: 03.09.2019.

4. تاريخ الاستشراق في شبه الجزيرة العربية (История востоковедения на Аравийском полуострове) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : https://books.google.by/books?id=D_duDwAAQBAJ&pg=PT5&lpg=PT5&dq=من+تاريخ+الاستشراق+في+شبه+الجزيرة+العربية. – Дата доступа : 05.09.2019.
5. المستشرقون في السعودية قبل 100 عام (100 лет востоковедения в Саудовской Аравии) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2017/06/10/بالصور-أبرز-قصص-المستشرقين-في-السعودية-قبل-100-عام>. – Дата доступа : 11.09.2019.
6. رحلات الى شبه الجزيرة العربية (О путешествии на Аравийский полуостров) [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : [رحلات%20الى%20شبه%20الجزيرة%20العربية%20جونلويس%20بيركهارت.pdf](https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2017/06/10/رحلات%20الى%20شبه%20الجزيرة%20العربية%20جونلويس%20بيركهارت.pdf). – Дата доступа : 13.09.2019.
7. الاستشراق والرؤية الغربية للشرق (Ориентализм и западное ведение востока) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.independentarabia.com/node/10686/آراء/الاستشراق-الرؤية-الغربية-للشرق>. – Дата доступа: 15.09.2019.

The article deals with the origin of Oriental area studies in the Arabian Peninsula. The author considers the role of the founders and the significance of this process for the future of Oriental studies development.

В. П. Толстой

О ТРУДНОСТЯХ В ИЗУЧЕНИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКО-, БЕЛОРУССКОГОВОРЯЩИХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Статья посвящена рассмотрению типологических черт японского языка, значимых для грамотной организации процесса его преподавания на уровне высшего образования. Автором выделяются наиболее проблемные для усвоения русскоговорящими студентами фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности устройства системы японского языка с учетом актуального этапа обучения (начальный либо продвинутый) и с соответствующими рекомендациями по освоению данных явлений на каждом из этапов.

Японский язык по праву считается одним из самых сложных языков мира. Не будет ошибкой предположить, что на обывательский взгляд (а также в представлении абитуриентов и студентов-первокурсников отделения японского языка, со страхом и любопытством ожидающих встречу с «гранитной твердью» японской иероглифики) эта сложность заключается в иероглифической письменности. Однако это представление о японском языке – достаточно распространенное заблуждение.

Безусловно, иероглифическая письменность значительно усложняет процесс изучения японского языка неносителями. Вместе с тем изучение иероглифики в большой степени чисто механическая задача, совершенно не исключая творческого ассоциативного мышления, анализа графических изображений, усилий зрительной памяти, усидчивости и т.п. Тем более, контакт с иероглифическим текстом связан в первую очередь с чтением, которое предполагает наличие времени для узнавания, восприятия, считывания, работы со словарем, наконец. В то время как основные и реальные трудности японского языка находятся в иной плоскости – аудировании и говорении, требующих мгновенной реакции.

В рамках статьи ограниченного формата едва ли возможно проанализировать абсолютно все трудности, с которыми сталкиваются русско/белорусскоговорящие (далее – родные языки) студенты. Тем более, что «трудность» – субъективная категория, зависящая от индивидуальных способностей, наличия склонности к изучению иностранных языков. В связи с этим представляется логичным рассматривать понятие «трудность» как непохожесть/ отсутствие аналогии в родных языках, что требует определенных (значительных) усилий для запоминания, усвоения и т.д. Представляется целесообразным условно разделить сложности японского языка на два этапа – этап для начинающих и этап для продолжающих.

На этапе для начинающих трудности в освоении фонетики японского языка весьма значительны. Во-первых, есть небольшая группа звуков, которых нет в родных языках. Во-вторых, отсутствует силовое ударение, характерное для многих европейских языков, в т.ч. для родных языков. В японском языке ударение считается «музыкальным», где играет роль высота слога относительно других слогов в слове (слово может быть представлено и одним слогом, тогда повышение или понижение высоты тем более играет смысло-различительную функцию). В-третьих, совершенно отличная от «привычных» европейских языков просодия. В-четвертых, наличие долгих и кратких гласных в самых разнообразных фонетических комбинациях – фактор (играющий исключительно важную смысло-различительную функцию), который становится серьезным препятствием для приобретения качественного произношения. Очень непривычным для большинства студентов оказывается соблюдение долготы гласных, а также особенности слоговой комбинаторики в японском языке (преимущественно в словах китайского происхождения), когда совершенно разные для носителя слова весьма похожи фонетически для обучаемого, и, ожидаемо, совершаются ошибки. Из этого четвертого фактора следует вывод – в японском языке, по сути, не проходит апроксимированный

подход к усвоению произношения обучаемыми – даже незначительные отклонения от нормы приводят в большинстве случаев к срыву понимания носителями. Есть еще один фактор из области фонетики//просодии, с которым обучающиеся столкнутся позднее и речь о нем пойдет ниже.

Так или иначе, успех и скорость усвоения фонетики японского языка в большей степени зависят от индивидуальных способностей обучаемых – слуха, умения имитировать незнакомые звуки и непривычные интонации, приложения непрерывных усилий для заучивания правильного фонетического «рисунка» слова.

На этапе для начинающих, когда изучается простое назывное предложение и предложение с глаголом-сказуемым, особых трудностей не возникает даже несмотря на замыкающее положение сказуемого в японском предложении. Иная система падежей также не вызывает больших трудностей (для способных и усердных студентов). Но когда материал выходит на уровень насыщения предложений определительными и причастными (по сути, в японском языке – совмещенное понятие) оборотами, возникают определенные сложности, т.к. японский язык – язык «левого ветвления», и определительные (причастные) обороты предшествуют определяемым. Более того, эти обороты могут иметь усложненный, образно выражаясь, – «каскадный», «террасный» – характер, и вся эта «конструкция» развивается в левую сторону, а в родных языках – в правую. Это существенное отличие требует значительных усилий и тренировок для надежного привыкания и усвоения. Примерно в этот же период обучаемые могут столкнуться с необычной компоновкой одного из многих типов словосочетаний в японском языке – типа “壁の白い建物” – kabe-no shiroi tatemono – «здание с белыми стенами», дословно – «стен(ы) белое здание». Поскольку такой тип словосочетаний достаточно частотный в японском языке, необходимы некоторые аналитические усилия и тренировки, чтобы студент мог уверенно строить такие обороты с любым подстановочным лексическим материалом.

Некоторые разделы системы счета в японском языке отличаются (а, например, разряды числительных – значительно) от привычного. Даже находясь на продвинутом этапе изучения языка, успешные обучаемые едва ли смогут без определенных хезитационных пауз и задержек уверенно озвучить (перевести) числа в десятки (сотни и т.д.) миллионов, миллиардов и т.п.

Особая трудность поджидает студентов-японистов в виде т.н. «счетных классификаторов» – в мировом японоведении могут быть различные термины для идентификации этого явления, но суть от этого не меняется – почти все

предметы в японском языке разделяются на группы и считаются с помощью соответствующих классификаторов. При этом возникают еще и фонетические модификации в произношении комплекса «числительное – счетный классификатор».

Грамматика начального этапа представлена как несложными для понимания и усвоения конструкциями (т.к. имеют подобные по структуре и составу аналоги в родных языках), так и конструкциями, у которых отсутствуют привычные структурные параллели.

Многие студенты, добросовестно и усердно изучающие японский язык, отмечают, что, в отличие от английского, в японском языке личный прогресс идет значительно медленнее и даже могут наблюдаться периоды стагнации.

Эту особенность японского языка можно проиллюстрировать любопытным парадоксом. Обладая некоторым незначительным вокабуляром английского языка русско-, белорусскоговорящий (при условии коммуникативной раскованности, языкового чутья и т.п.) может более или менее объясниться с носителем. А по-японски (при том же словарном запасе) это получится гораздо хуже или не удастся вовсе. Именно поэтому при обучении японскому языку следует ориентировать студентов уже на раннем этапе на заучивание устойчивых лексико-грамматических моделей, лексических комплексов, а не полагаться на личное иноязычное творчество, как это зачастую происходит с английским языком. Т.к. владение разнообразным вокабуляром еще не является гарантией прогресса в изучении японского языка. Надо знать и употреблять именно те лексические единицы и комплексы, которые используют носители. Вот два примера для иллюстрации. Необходимо выразить смысл: «Наложили 15 швов». Если студент знает не только «портной шов», но и «медицинский», это может помочь, хотя и не обойдется без пантомимы. Но носители скорее используют пару вариантов – все будут отличаться от родных языков, а один вообще необычен для логики наших студентов – дословно: «(причинил себе) рану, (которую) зашивают 15-ю иглками». А японский дословный «набор» еще внушительнее – «15 иглоков зашивать рану сделал» – 15針を縫うけがをした。 Вот еще пример. Надо выразить мысль: «Это развлечение не очень затратно для семейного бюджета». Хороший студент знает, как дежурно переводятся такого рода предложения. Но по-настоящему красивый и натуральный вариант будет (может быть) таким: дословно – «это развлечение доброе, ласковое к семейному бюджету» – その遊びは家計にやさしい。

Уже к концу начального этапа студенты сталкиваются с одним из многих уникальных явлений в японском языке – «трехслойностью» японской лексики: слова японского происхождения, китайского происхождения и англоязычные заимствования. Во многих случаях существуют тройные соответствия одного и того же понятия. Обучающимся предстоит нелегкий путь к пониманию и освоению взаимодействия этих слоев. К слову, в японском языке действительно огромное количество англоязычных заимствований. Казалось бы, это очень удобно для практического владения: не можешь вспомнить японское слово – заменяешь его английским соответствием. Но дело в том, что англоязычные заимствования произносятся с очень специфическим японизированным произношением, имеющим особый «шарм», но при этом много нюансов. Их незнание, игнорирование определенно мешает пониманию смысла носителем.

Еще одно уникальное явление японской лексики и фонетики, создающее очень значительные, порой непреодолимые, трудности для аудирования – колоссальная омонимия (в основном, представленная китаизмами). Достаточно сказать, что только парных омонимов среди китаизмов около 1800. А многие десятки китаизмов имеют по три, четыре и более (до 10–15) омонимов.

И вообще, китайский слой лексики в японском языке обладает некоторой противоречивостью. Обучающиеся неоднократно встретят (определенно, вне стен МГЛУ) утверждение, что китаизмы – книжная лексика, и носители практически не употребляют ее в разговорной речи. Однако это не соответствует действительности. Студентам необходимо понимать, что китаизмы в разговорной речи – это, помимо уже устоявшихся, лексические единицы (комплексы), которые постоянно получают распространение в разговорной речи из языка телевизионных ток-шоу, интернет-форумов и т.п. Особенных усилий для запоминания требуют лексические комплексы, состоящие только из китаизмов, их количество огромно.

Для студентов будет весьма непривычным наличие и активное употребление очень большого количества ономастопей в японском языке. Это явление делает японский язык (наряду с китайским) абсолютно уникальным среди мировых языков. Мало того что ономастопеи (как и во многих языках) являются подражанием звукам живой и неживой природы (в японском языке и этих слов несравненно больше, чем в родных языках), так еще и невероятно большое количество ономастопей выражают психофизическое и эмоциональное состояние человека, признаки вещей и предметов. Такую лексику крайне непросто запоминать – ведь носители усваивают ее с рождения и на подсознательном уровне.

Когда на продвинутом этапе студенты, располагающие определенным лексическим запасом, пытаются с энтузиазмом осваивать диалогическую речь, вновь о себе напомним японская просодия. Японский язык богат междометиями и фразовыми частицами, которые произносятся с очень специфическими для наших студентов интонациями. Освоение этих интонационных моделей требует хорошего слуха, определенных актерских способностей, экстравертности, незажатости, незакомплексованности. К сожалению, многим студентам это не удается.

Еще одной трудностью можно назвать особенность японского глагола образовывать составные комбинации по принципу «смысловые глаголы + служебные глаголы, имеющие разнообразные специфические уточняющие характеристики». Получается, что многие глаголы (глагольные словосочетания) типа *промахнуться, оговориться, не угадать, заждаться, надоедать* и т.д. чаще всего в японском языке выражаются составными глаголами, в которых со смысловым глаголом еще и необходимо совершать определенную манипуляцию. Это достаточно непривычно, так же как и глагольная система выражения направленности действий в японском языке, не имеющая аналогов в родных языках.

Самое трудное в японском языке для изучающих его иностранцев – это особо учтивый стиль. Отличительная характеристика стиля – функционирование особого слоя лексики, специальных глагольных форм и т.д. Проще говоря, это – особый язык в составе японского языка. Настолько сложная разветвленная система, что даже многие носители признают свою неуверенность во владении этим стилем. Владение учтивым стилем как в устной, так и в письменной речи, пусть и не в совершенстве, может стать своеобразным пропуском в достаточно закрытый и ксенофобный японский социум.

На пути тех, кто задался целью овладеть (что подразумевает всего лишь бесконечный путь изучения) японским языком, встретится много сложных препятствий. Но все они преодолимы. Как гласит восточная сентенция – «только упорный и терпеливый увидит благоприятный конец начатого дела».

The perception of extreme difficulty of Japanese language among common people is based on hieroglyphical writing and is taken for granted. That is partially true but real hurdles to mastering this marvelous language lie far beyond writing – they turn up in lexis, grammar peculiarities, phonetics and, in general, ethnolinguistical features of Japanese native speakers. The article is dealt with particular snags usually hit by Russian/Belorussian native speakers while studying Japanese.

ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ ЗАНЯТИЙ
МЕЖДУ ЯПОНСКИМИ И БЕЛОРУССКИМИ СТУДЕНТАМИ
В РАМКАХ КУРСА ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

日本人留学生との交流授業の実践と課題

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось изучение проблем эффективности языкового общения белорусских и японских студентов в рамках проводимых аудиторных занятий по изучению японского языка. В период с 2017 по 2019 учебные годы такие занятия проводились среди студентов начального уровня изучения японского языка. Занятия строились в три этапа: 1. Представление японских и белорусских студентов, знакомство. 2. Информационная презентация японских студентов о своей стране. 3. Обмен мнениями и впечатлениями.

1.はじめに

かつて海外での日本語教育の問題点として挙げられていた日本語教材の不足の問題は、インターネットの普及により、大きく改善されている。インターネットから入手できる日本語教材や、スマートフォンで利用できる日本語学習ソフト、辞書ソフトなども少なくない。インターネット環境さえあれば、日本語の音声や映像資料なども容易に入手できるようになった。一方で、日本語教材の中には、日本で生活する外国人を対象としたものも多く、海外の学生にとって日本での生活を前提とした教材は必ずしも使い易いとは言えない。また、日本語母語話者の教師数が限られている海外においては、教室の外で生の日本語を耳にする機会は少ない。このような状況において、現地の在留邦人との交流は有効な実践教育となり得る。

本稿は、ベラルーシのミンスク国立言語大学において実践した日本人留学生との交流授業の有効性と課題について考察することを目的としている。まず、日本語教育環境の概要について述べる。次に、日本人留学生との交流事業の実践について述べ、今後の課題について検討したい。

2.日本語教育環境の概要

2.1 日本語教育現場

現在、世界の日本語学習者数は400万人にのぼる。ベラルーシの高等教育機関における日本語教育は1993年に開始され、現在は首都ミンスクにあ

る2大学で日本語教育が行われている。ミンスク国立言語大学の通訳学部では、1993年以降、日本語を主専攻として学ぶ学生が5年に1度募集されており、大学1年次から5年次まで5年間日本語を学んでいる。また、主専攻の募集がない年は、副専攻として日本語を選択することができ、その場合は大学2年次から4年間日本語を学んでいる。近年は、学生からの希望により、通訳学部以外の学部にも日本語専攻のクラスが作られ、より多くの学生たちが副専攻として日本語を学ぶ機会を得ている。

2.2 教師陣

ミンスク国立言語大学の日本語教師は、現在、ベラルーシ人の常勤2名、日本人の常勤2名、ベラルーシ人の大学院生が1名の計4名である。2002年からベラルーシに国際交流基金の専門家が派遣されているが、現在は空席状態にある。学生数が増加傾向にある中、教師数の慢性的な不足が見られる。本学の夜間講座にも日本語コースがあるものの、教師不足により近年開講されていない。ベラルーシに限らず、海外日本語教育の現場では日本語を教える人材の不足が問題となっているが、ベラルーシでは全般的に教員の待遇が良いとは言えないことが、教員不足の理由の一つとなっていると思われる。

2.3 日本語学習者の動機

歴史的にロシアとの結びつきが強いベラルーシは、現在、政治・経済分野を中心に中国との関係が強まっている。ベラルーシへの中国企業の進出も活発で、ミンスク国立言語大学では中国語学習への人気が急速に高まっている。中国語を身に付けることで将来の就職に繋がるという意識を持った学生たちが多い。他方、ベラルーシ・日本関係は、まだ進展しているとは言いがたく、日本企業の当地への進出も日本からの観光客も、限定的と言わざるを得ない。そのため、当地で日本語を使う仕事の需要は低く、大学卒業後に日本関係の職を得る可能性は低い。

それにもかかわらず、ベラルーシで日本語の学習希望者は増加傾向にある。国際交流基金の調査によれば、2012年のベラルーシの日本語学習機関における日本語学習者数は218人、2015年は305人に増加している。個人で日本語を学んでいる人を含めれば、その数はさらに多くなる。本学の学生

たちに日本語を専攻した理由を聞いてみると、「日本のアニメやマンガを見て興味を持った」という回答が最も多く、日本の文化、とくにポップカルチャーに興味があると答える学生が大半であった。しかし、多くの場合、学年が上がるにつれてポップカルチャーへの関心は薄まる傾向にあり、それと同時に日本語への興味・関心も失う学生もいる。また、将来の就職について考え始める高学年になると、日本語を学んでも就職に結びつかないという理由で、日本語を学ぶ意欲を失っていく学生も見受けられる。別の見方をすれば、ベラルーシの日本語学習者の多くは、将来の就職のためという合目的的ではない、純粋に日本文化や日本語そのものへの興味・関心に基づいている。実際、「日本語が好きだから」、「日本語が面白いから」という理由で勉強を継続し、日本政府奨学金制度を利用して日本への留学の機会を得ている学生も毎年いる。また、ベラルーシ外務省に就職して日本担当になる卒業生や、近年は本学から在ベラルーシ日本国大使館への就職する学生も出ている。したがって、教師の側にも、学生の動機が維持できるような努力や工夫が求められている。

2.4 日本語学習環境

2017年現在、ベラルーシの在留邦人数は70人程度である。近年、日本からの留学生は増加傾向にあるようだが、ベラルーシに進出している日本企業は数えるほどしかなく、そのうちベラルーシに駐在する邦人は今のところいない。そのため、日本語を学ぶ学生たちは、特に日本人の友達や知り合いと付き合いがない限り、大学外で日本語を耳にする機会は皆無に等しい。

また、本学は今のところ日本の大学との協定等に基づく協力関係がなく、日本政府奨学金制度を利用する他は、日本への留学の機会が少ない。ベラルーシの経済状況に鑑み、多くのベラルーシ人にとって日本への自費留学は高額であり、大学で日本語を学んでいながら卒業までに実際に日本へ行く機会が得られる学生は限られている。中にはベラルーシにいる日本人留学生と積極的に交流している学生もいるが、大半の学生は、大学の日本語教師以外に日本人の知り合いもいなければ、大学外で実際に日本人と話したことがないという。しかし、そのような場合、学生たちが大学で唯一の日本人教師の日本語の発音やイントネーションに慣れてしまい、他の日

本人の会話を聞いた時に理解できないという問題に陥る可能性がある。このような理由から、当地に留学している日本人学生をゲストとして授業に招き、ベラルーシの学生と交流する機会を設けることを試みている。

3. 日本人留学生との交流授業

2017年から2019年にかけて、主に初級前期から初級後期のクラスにおいて、日本人留学生との交流授業を実施した。ここでは、日本語を第一言語として学んでいる学生のクラスで実践した日本人留学生との交流授業について紹介する。授業は、次の表のような形態で実施した。表の①・②・③・⑥は、「ベラルーシの学生を通じて」、④・⑤は「日本の大学の知人の教授を通じて」授業に招待した留学生である。すでに述べたように、在留邦人の少ないベラルーシで、日本人留学生を見つけるのは容易なことではない。また、当地には「日本人会」のような日本人コミュニティはなく、本学には日本に協定校等もないため、たとえ本学に留学している日本人学生についてであっても、常に知り得るわけではない。従って、当地の日本人留学生の存在は、本学の学生を通じて知ることが多い。

表：日本人留学生との交流事業の実践例

	課題	日本人留学生		ベラルーシの学生の学年	概要
		数	ロシア語知識の有無		
①	自己紹介	1	有	1, 2	ベラルーシの学生と日本人留学生が互いに一人ずつ順番に自己紹介したあとで、質疑応答。
②	日本人留学生へのインタビュー	1	有	2	日本人留学生が自己紹介、出身地の紹介、日本の大学生生活などについて話し、それに対して学生がランダムに質問。
③	日本人留学生へのグループ・インタビュー	6	有	2	ベラルーシの学生を6つのグループに分け、それぞれのグループに日本人留学生が1人ずつ参加し

					、日本人留学生にインタビュー。インタビューの結果をグループごとに黒板に書き入れて発表。
④	日本人留学生によるプレゼン発表	2	無	2	日本人留学生が出身地を紹介するプレゼンテーションを行った後、ベラルーシの学生がランダムに質問。
⑤	日本人留学生によるプレゼン発表	2	無	2	④と同様。
⑥	意見交換	1	有	3	「ベラルーシ人のここがヘン」「日本人のここがヘン」と思うところを互いに出し合い、意見交換。

3.1 自己紹介・インタビュー

初級前期の学習者の授業では、ベラルーシの学生が使用できる語彙や表現が限られているため、交流授業の課題は自己紹介やインタビューが中心となった。交流授業で自己紹介・インタビューを行った①・②・③・⑥は、本学または他大学で主にロシア語を学ぶ一定程度のロシア語が分かる日本人学生が参加した。日本人留学生がある程度のロシア語が分かる場合は、言葉に詰まった時や相手が理解していないかもしれないと思われた際に、互いにロシア語を交えれば話を続けられるということが多かった。しかし、そのまま日本語からロシア語の会話に切り替わってしまうケースも見受けられたが、そのような場合は教師が軌道修正することで日本語での会話に戻すことができた。

日本人留学生とベラルーシの学生の自己紹介やインタビュー、その後の質疑応答は、ベラルーシの学生たちにとって日頃の学習成果を教師以外の日本人を前に試すことができる貴重な体験となった。特に、日本人留学生が口にする「めっちゃ」「まじ」「やばい」など、教科書にはない若者の話し言葉や略語が、学生たちには新鮮で興味深かったようだ。他方で、インタビューは一問一答に終始しがちであったり、日本人一人に対してクラ

ス全員が順番に質問し続ける一方的なコミュニケーションになってしまったりと、会話の発展が難しいという問題点もあった。

複数の日本人留学生が参加した授業では、クラスを日本人留学生の人数と同数のグループに分けて、グループ・インタビューを行った。この授業では、インタビューの前に「日本人の出身地について聞く」という課題を与え、インタビューの結果を黒板に書き入れ、グループ毎に発表させた。グループ・ワークの場合、少人数のグループで日本人留学生と話ができるため、学生一人当たりの会話の頻度が高くなり、両国の学生の距離も近くなり、より活発に交流している様子が見受けられた。また、インタビュー後に発表の機会を設けたことで、学生たちがインタビューした意見をグループ内でまとめて発表するというアウトプットの実践も行うことができた。

3.2 日本人留学生による発表

日本人留学生がプレゼンテーションを使って日本事情について発表する授業実践を行なった④・⑤は、ミンスク医科大学に留学しているロシア語をまったく知らない学生たちが参加した。授業は日本事情の講義形式になり、日本人教師の日本事情とは異なる視点とテーマによる内容という意味では、学生たちにとって新鮮だったと思われる。ただ、日本人留学生がまったくロシア語を知らない場合、より集中して日本人の話に耳を傾けるようとする学生もいれば、理解しようとするのを諦めてしまう学生も見受けられた。発表内容が理解できなかった場合は、留学生発表後の質疑にも参加できなくなる傾向にあった。また、授業後の日本人留学生の話によれば、「難し過ぎたかもしれない」「理解してもらえなかったかもしれない」という不安が残ったという。ロシア語を解さない日本人ゲストの場合、教師が事前に日本人留学生と発表内容について打ち合わせをしたり、発表中に教師が解説を入れたりするなどの必要性が認められた。

3.3 意見交換

初級後期の学生のクラスで、日本人留学生との意見交換を行った。参加した日本人留学生は、すでに半年以上当地での生活経験があったため、両国の生活・文化・習慣の違いなどを話し合う良い機会となった。学生たちが意見を出し易い雰囲気を作るよう、最初に双方の自己紹介を導入した。

また、意見を述べることに消極的な学生については、適宜、教師が当てながら全員が意見を言えるよう促した。文化・習慣の違いは、一つ一つの意見が興味深く、それぞれについて話を深めることができるが、授業は自己紹介も含めて80分という時間の制約があり、意見を出すだけで終わってしまうのはやや物足りなさが残った。

4. おわりに

日本語能力の向上のためには、様々な日本人との生の交流が欠かせないため、教師の側にも日本人と接する機会を増やす努力が必要である。学生のネットワークなどを通じて、可能な限り定期的に日本人留学生をゲストとして招待できるような環境づくりに努める必要がある。

日本人留学生との交流授業は、普段、日本人教師以外の日本語を聞くことの少ない学生たちにとって、教科書にはない言葉や表現に出会える貴重な機会となった。特に、ベラルーシの学生たちにとって大学の授業では触れる機会の少ない若者の会話表現や略語などが興味・関心を惹きつけていた。他方で、インタビュー形式の授業は、一方的なコミュニケーションになりがちであった。また、学生たちは教科書の日本語と生の日本人の話す日本語とのギャップを感じたり、緊張や不慣れから、全体的に普段の授業よりも消極的になったりする様子が見受けられた。そのため、インタビューや意見交換の練習を普段の授業で取り入れたり、双方向的なコミュニケーションが維持できるような課題を設定したり、授業内で教師が適宜説明を入れるなどのサポートの必要性が認められた。また、授業後にベラルーシの学生と日本人留学生の双方に授業評価のアンケートを行い、改善すべき点や課題についてより詳しく分析することを今後の課題としたい。

ЛИТЕРАТУРА

1. 国際交流基金（2015）「海外の日本語教育の現状—2015年度日本語教育機関調査より—」、

<https://www.jpf.go.jp/j/project/japanese/survey/result/survey15.html>

2. 安井朱美（2008）「留学生と日本人学生との合同授業の試み—コメントから見えてくるもの—」、『南山大学国際教育センター紀要』9、

p. 114–128.

3. 外務省「ベラルーシ基礎デ <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/belarus/data.html>.
4. 西條 結人 (2017) 「キルギス共和国における日本語教育の現状と課題—「現地化」した日本語教育ネットワークの構築・改善を目指して—」、『キルギス日本語教師会研究紀要』創刊号2017-1、キルギス日本語教育研究
5. 藪崎義雄 (2006) 「ロシアにおける日本語教育の現状と問題点」、創価大学
6. アクドーアン・プナル (2007) 「日本語とトルコ語の「ウチ・ソト」関係の対照研究」、『広島大学大学院教育学研究科紀要』第二部第56号、p. 235–239.
7. 木元めぐみ (2015) 「ロシア（モスクワ）日本語教育事情」、『国際教養大学専門職大学院グローバル・コミュニケーション実践研究科日本語教育実践領域実習報告論文集』6、p. 7–8.
8. 小林 侑 (2002) 「ロシアにおける日本語教育」、ERINA公益財団法人環日本海経済研究所
9. マシニナ・アナスタシヤ (2009) 「ロシアの高等教育機関における日本語教育—極東国立人文大学における日本語教育の実情と問題点」、『Forum of Language Instructors』Vol. 3.
10. 末繁美和、ケーレブ・プリチャード、ジョン・ルシンスキー (2016) 「留学生および日本人学生のインタラクティブな授業の試み」、『岡山大学全学教育・学生支援機構教育研究紀要』第1号
11. クルガンスカヤ・ユリヤ (2007) 「ロシアにおける中・上級の日本語話し言葉教育」、『新潟大学国際センター紀要』第3号、p. 131–137.
12. 国際交流基金 「世界の日本語教育の現場から」（国際交流基金日本語専門家レポート）、<https://www.jpf.go.jp/j/project/japanese/teach/dispatch/voice/voice/touou/belarus/2018/report02.html>.
13. 国際交流基金 (2017) 「海外の日本語教育の現状と課題」、http://www.nkg.or.jp/wp/wp-content/uploads/2017/06/20170615_JF.pdf.

The purpose of this paper is to report the results of the joint class between beginner Japanese learners and Japanese students held from 2017 to 2019. We should consider the importance of offering the chances for students to interact with other cultures.

ШАХРИЯР И ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Статья посвящена творчеству великого современного поэта Ирана XX в. Мухаммада Хусейна Тебризи (1906–1988), известного под псевдонимом Шахрияр, который оставил неизгладимый след в новой персидской литературе. Он был мастером в таких жанрах персидской поэзии, как касыда, маснави, газель, «стихотворение нимаи» (в стиле Нима Юшидж). Шахрияр творил во всех жанрах и формах, но жанр газели в его творчестве занимает центральное место. Он считал газель высшей формой поэтического выражения мыслей и чувств, но также ему была не чужда и новая, белая поэзия. В данной работе рассматриваются исследования жизни и творчества Мухаммада Хусейна Тебризи, жанровые разновидности его произведений.

27 шахривара по иранскому календарю – день персидской литературы и поэзии. Верховный совет культурной революции Ирана утвердил День персидской литературы и поэзии, поставив его празднование на 18 сентября, годовщину смерти выдающегося персидского поэта XX в. Мухаммада Хусейна Тебризи (1906–1988), известного под псевдонимом Шахрияр.

Мухаммад Хусейн Шахрияр – иранский поэт азербайджанского происхождения, который писал стихи на персидском и азербайджанском языках. Один из самых знаменитых иранских лириков. Его работы были переведены более чем на 30 языков мира. Сегодня его тело покоится в Мавзолее поэтов в городе Тебриз.

Творчество Шахрияра, отличающееся своей многогранностью и красочностью, представляет собой целый поэтический мир, определивший развитие литературы на новом этапе. Сила поэзии Шахрияра не ограничивается лишь воздействием на человеческое сознание и чувства с помощью единства содержания и формы, как в творчестве классиков [1].

С детских лет Шахрияр отличался поэтическим талантом. Следует отметить, что у него не было специального поэтического образования под руководством какого-либо известного поэта или же определенного литературного течения. Он занимался самообразованием, самостоятельно совершенствовал свое мастерство, а талант и глубокая любовь к поэзии дали ему возможность написать немалое количество высокохудожественных стихов.

Уже в годы юности он встречался с такими великими мастерами слова того времени, как Малеккошшоарае Бахар и Ирадж Мирза, которые хвалили юного Шахрияра за его талант и стремление достичь вершин поэтического искусства.

Исследовательница Насрин Джафари написала кандидатскую диссертацию на тему: «Мухаммад Хусейн Шахрияр и его место в новой персидской и тюрко-азербайджанской поэзии» [2]. Опираясь на нее, рассмотрим жанровые разновидности произведений данного поэта.

Шахрияр имеет два сборника на персидском и азербайджанском языках. Его стихи написаны как в традиционных, так и новых ритмах, при этом большинство своих творений он сочинил в старых, классических формах. Несмотря на то, что он был современным поэтом и жил в самом разгаре формирования нового стиха, основателем которого являлся Нима Юшидж, он держался газелей (форма стиха) великого Хафиза Ширази.

Отмечается, что газели Шахрияра подразделяются на два периода. Первый – можно назвать периодом молодости и любви, а второй – временем, когда поэт стал вести отшельнический образ жизни и интересоваться мистическими проблемами.

Помимо богоискательства, любви к мистическому, стихи Шахрияра полны мотивов земной, человеческой любви и гуманизма. Во многих своих произведениях он восхваляет любовь, как бы одаривая людей теплом своего сердца. В том числе, его всепоглощающая любовь полностью охватывает поэму «Голос Бога». Что касается влияния газелей Хафиза Ширази на газели Шахрияра, то они проявляются в ритме, размере, поэтических понятиях и терминах.

О Шахрияр, что ты принес в дар из Ширази,

Что весь творческий мир признал тебя вторым Хафизом [2]

شهریارا چه ره آورد تو بود از شیراز   که جهان هنرت حافظ ثانی دانست [3]

Газель является лирическим стихотворением, в котором рифмуются два полустишия первого бейта, затем та же рифма (монорим) сохраняется во всех вторых полустишиях каждого последующего бейта по типу «аа, ба, са, да» и т.д. В последнем бейте газели нередко называется поэтическое имя или литературный псевдоним автора "نام شعری یا تخلص". Газели содержат от 5 до 14 бейтов.

Газель как форма начала складываться в IX–X вв. и нашла свое отражение в творчестве классиков персидской литературы Низами, Саади, Хафиза, Хагани и Джами.

Своей окончательной формы газель достигла в творчестве Хафиза. Именно он закрепил каноны газели. Лирический герой, от имени которого написана газель, противопоставляется *ей*, *ему* (возлюбленной, судьбе, горестям мира, властителю, Всевышнему – при этом в персидском языке нет грамматической категории рода). Герой газели стремится слиться с предме-

том своего желания, преодолеть разделяющую их пропасть, но это противоречие никогда не разрешается. Именно эта особенность придает газели черты сжатой пружины, именно в этом – секрет ее высочайшего эмоционального, психологического, философского напряжения.

Среди самых известных газелей Шахриара можно упомянуть *علی ای همای* "رحمت" [Alī ey hamāye rahmat] 'О Али, птица блаженства' и *"آمدی جانم به قربانت"* [Āmadi jānam be ghorbānat] 'Вы пришли, моя жизнь посвящена вам'.

Не только Хафиз Ширази, но и Низами Ганджави и Саади Ширази оказали влияние на произведения Шахриара. Одной из отличительных черт структуры стихотворений Шахриара является то, что они вобрали в себя простой и доступный стиль Саади.

Ода (касыда) – следующий жанр, который занимает второе место после газели в творчестве Шахриара. Вопреки тысячелетней традиции написания од в персидской литературе большинство касыд Шахриара посвящены эпизодам и случаям его жизни. Они создавались по поводу каких-либо юбилеев или культурных мероприятий. В стиле написания од автор придерживается устойчивых, многовековых традиций и форм. Также в своих одах он обильно использует патриотические мотивы и проповедует высокую человеческую мораль. В целом количество созданных автором касыд доходит до ста.

Классическая персидская форма стихосложения касыда обычно имеет 20–70 бейтов, однозвучную рифмовку (по типу «aa, ba, ca, da...»). Разница между классическими формами касыда и газель заключается в количестве бейтов и теме стихотворения.

Другим традиционным жанром, который поэт использовал в своем творчестве, является **маснави**. В общей сложности Шахриар написал 38 маснави. Самой важной из них является «Дух мотылька».

О, мотылек, сердце свечи обжигается на твое состояние,

И не только сердце свечи, но и сердце всех людей [2]

پروانه به حال تو دل شمع بسوزد   تنها نه دل شمع دل جمع بسوزد

Содержание и смысл маснави «Упоминание гордости литературы» – это память о друзьях и важных событиях. Данное маснави – это поэтическое произведение по истории литературы, в котором перечисляются все поэты, начиная с Рудаки и заканчивая современниками поэта.

Маснави *مثنوی* – стихи, написанные в форме рифмованных куплетов, основывающиеся на независимых, внутренне рифмующихся строфах. Большинство маснави следуют метру из 11 слогов, и количество их не ограничено. Не лимитировано также и количество куплетов в стихах или поэмах. Схема рифмы: aa/bb/cc.

Персидские маснави – это стихи, состоящие из 11 (иногда 10) слогов, а так как количество куплетов не ограничено, то количество строк в одном поэтическом произведении часто достигает до 2 000 – 9 000.

В том же жанре написана эпико-дидактическая поэма Джалаладдина Руми «Маснави», поэма Низами Гянджеви «Искандер-наме» и т.д.

Шахрияр творил во всех жанрах и формах, но жанр газели в его творчестве занимает центральное место. Он считал газель высшей формой поэтического выражения мыслей и чувств. Шахрияр в основном сочинял в традиционных формах и жанрах богатой персидской литературы, но также ему была не чужда и новая белая поэзия. Как приверженец классических традиций, Шахрияр был последователем великого Хафиза Ширази, но не являлся механическим подражателем его газелей.

В заключение следует отметить, что Шахрияр своим творчеством обогатил традиционные формы и жанры классической персидской поэзии, введя в них, новые смыслы и содержания. В новой поэзии он был последователем Нима Юшиджа, но в то же время – со своим собственным, неповторимым стилем, который выделял его среди других поэтов. Шахрияр творил не только на персидском, но также и на азербайджанском языке. Его турецкий сборник и поэма «Привет гейдар-бабе» 'حيدر بابايه سلام' занимают важное место в истории азербайджанской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулусой, И. Э. Лексико-семантические особенности антропонимов в языке поэмы «Привет гейдар-бабе» Мухаммеда Хусейна Шахрияра / И. Э. Гулусой // *Studia Humanitatis*. – 2018. – № 4. – 30 с.
2. Джафари, Насрин. Мухаммад Хусейн Шахрияр и его место в новой персидской и тюрко-азербайджанской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Насрин Джафари. – Душанбе, 2012.
3. شیراز در غزلیات سعدی – حافظ – شهریار / Шахрияра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://saadinews.ir/> شیراز در غزلیات سعدی – حافظ – شهریار. – Дата доступа : 10.11.2019.

The article considers the peculiar features of genre forms of one of the most prominent Persian poets Mohammad-Hossein Shahriar.

**К ВОПРОСУ О ЧАСТЫХ ОШИБКАХ
В УПОТРЕБЛЕНИИ КОРЕЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ,
ДОПУСКАЕМЫХ РУССКОГОВОРЯЩИМИ СТУДЕНТАМИ**

В статье рассматриваются результаты сопоставительного исследования простых и сложнопроизводных глаголов перемещения в русском и корейском языках с точки зрения частых ошибок, допускаемых русскоговорящими студентами в процессе изучения корейского языка. Рассмотрены основные критерии выбора глаголов движения при переводе с русского языка на корейский с учетом семантики глагола и местоположения говорящего.

Пространство и перемещение в нем являются важной составляющей национального мировосприятия. Глаголы наиболее полно передают семантику перемещения в пространстве. Разнообразие глагольной лексики обусловливает наличие несоответствий передачи категории движения в одном языке средствами другого. Рассмотрим это на примере ошибок, допускаемых русскоговорящими студентами при выборе определенного глагола движения.

Трудности возникают уже на этапе перевода самых употребительных простых глаголов движения в корейском языке **가다** kada и **오다** oda, которые в целом представляют движение из одного места в другое. Словарь дает следующее определение данным глаголам: ‘идти’ и ‘приходить’ соответственно. Однако данный перевод не дает целостной картины, ведь каждый глагол имеет свои особенности употребления. Для выбора подходящего глагола к той либо иной ситуации следует прежде всего определиться с ориентиром. Во многих языках решающее значение приобретает положение говорящего по отношению к слушающему и восприятие пространства говорящим. В своем исследовании Чо Кёнгюн отмечает, что корейский язык ориентирован на говорящего, следовательно, движущийся объект становится основным ориентиром [1, с. 399]. Ли Кидон указывает на то, что при перемещении в пространстве, в случае, когда положение говорящего фиксировано, оно становится основным ориентиром. Когда какой-либо объект или человек приближается к ориентиру, используется глагол **오다** oda ‘приходить’. Когда же объект удаляется от ориентира, используется глагол **가다** kada ‘идти’. Кроме того, в ситуации, где говорящий находится в движении, глагол **오다** oda ‘приходить’ используется, когда говорящий прибывает

в пункт назначения, в противном случае используется *가다* kada ‘идти’. В случае вопроса в качестве ориентира может служить положение слушателя в дополнение к положению говорящего. Тогда *오다* oda ‘приходить’ используется, когда объект или человек, не являющийся говорящим, движется в направлении слушателя, а *가다* kada ‘идти’ используется при удалении от местоположения слушателя [2, с. 3].

В отличие от корейского, для русского глагола положение говорящего в пространстве не является главным критерием выбора необходимого глагола. Критерием выступает исходная точка или конечная точка. Согласно Е. В. Падучевой, «русское идти никак не фиксирует в своей семантике положения Наблюдателя, и при отсутствии показателя Исходной (=Начальной) или Конечной точки в предложении оно совместимо с любым» [3, с. 376]. Поэтому положение говорящего или слушающего может интерпретироваться по-разному в зависимости от контекста. Говорящий может иметь несколько позиций, находясь в конечной точке, начальной или в позиции наблюдателя. Например:

Вон идут мой друг. 거기 제 친구가 가요/와요. Jeogi je chinguga kayo/wayo.

В русском примере невозможно точно определить, где находится говорящий. Начальная точка или конечная точка не обозначены, поэтому говорящий может быть расположен как в начальной или конечной точке, так и в середине. В зависимости от контекста эту ситуацию можно интерпретировать как наиболее естественное движение ‘друга’, субъекта движения по направлению к положению говорящего. В этом случае позиция говорящего становится пунктом назначения и может быть переведена на корейский язык с помощью глагола *오다* oda ‘приходить’. Тем не менее, ориентир может находиться в начальной точке или в середине действия. Следовательно, движение будет передано глаголом *가다* kada ‘идти’. Следует учитывать описанные особенности восприятия пространства, чтобы избежать ошибок при выборе нужного глагола.

Итак, в корейском языке местоположение говорящего, а также движущийся объект становятся важной составляющей картины перемещения в пространстве. Чо Кёнгюн, сравнивая корейские и английские глаголы движения, в качестве ориентиров выделяет время, пункт назначения и движущийся объект [1, с. 402]. При этом он отмечает, что выбор глаголов

движения зависит от расположения говорящего и слушателя в речевой ситуации, а также когда движущийся объект не является говорящим или слушающим. В русском языке большинство ситуаций схожи, поэтому вероятность ошибок, допускаемых учащимися, невелика. Наиболее существенное различие в использовании корейских и русских глаголов наблюдается в той ситуации, когда объектом движения является говорящий, а пунктом назначения – слушатель в момент речи. В такой ситуации в корейском языке используется глагол **가다** kada ‘идти’ в значении удаления от начальной точки, тогда как в русском используется глагол прибытия ‘приходить/прибывать’ (**오다** oda). Например:

Скоро приду. 빨리 갈게요. Ppalli kalkeyo.

Говорящий перемещается по направлению к слушающему. В русском языке используется глагол, имеющий значение ‘приходить/прибывать’. В корейском же предложение звучит как *Скоро иду*, так как используется вариант **가다** kada ‘идти’. Именно в этом случае учащиеся допускают больше всего ошибок как на начальном, так и на продвинутом уровне изучения корейского языка.

Таким образом, при том, что позиция говорящего и объекта движения представлены и в корейском, и русском языках, они имеют существенные различия. В русском языке у глаголов движения также есть некоторые характеристики, которые не присущи корейскому языку. Русские глаголы перемещения характеризуются разнообразием форм и сложной семантической структурой. Семантика глаголов перемещения во много зависит от префиксов. Е. В. Падучева отмечает, что беспривставочные глаголы могут иметь различные значения в сочетании с префиксами. «Беспривставочные глаголы движения, как правило, имеют валентности Начальной и Конечной точки ..., но обе валентности – и *откуда?*, Исходная точка, и *куда?*, Конечная, – необязательные» [3, с. 377–378]. Таким образом, в корейском языке местоположение говорящего и объект движения становятся важными переменными, что позволяет выбрать между простыми на первый взгляд глаголами **가다** kada и **오다** oda. В русском языке система более сложная, основной акцент ложится на определение начальной и конечной точки движения.

Рассмотрим сложности, которые возникают при употреблении сложнопроизводных глаголов движения в корейском языке. Для передачи способа и направленности движения в корейском языке используются составные гла-

голы, где первая часть указывает на образ действия и/или направление движения, а вторая часть – на само движение. Следует отметить, что, как в русском, так и в корейском языке, существует группа глаголов, которые выражают определенные способы движения: ходить пешком – 걷다 *kotta*, прыгать – 뛰다 *ttwida*, бегать – 달리다 *tallida*, лететь – 날다 *nalda*. Наличие эквивалента снимает трудности при передаче данного значения на другой язык.

Рассмотрим подробнее некоторые особенности передачи способа и направленности движения. В корейском языке движение описывается путем сочетания глаголов с семантикой способа действия или направления движения. В русском языке при указании на направленность движения направление задается посредством префиксов. В табл. 1 русскому варианту глагола *входить* соответствуют два глагола *들어가다 deureokada* и *들어오다 deureooda*.

Т а б л и ц а 1

Особенности употребления сложнопроизводных глаголов движения

Русский язык	Корейский язык
бегать = способ действия	달리다 = способ действия
входить = направленность действия	들어-가다/들어-오다 = направление + движение
выбежать = направленность действия (приставка) + способ действия	뛰어 나-가다/나-오다/ = способ действия + направление + движение

Отличаются данные корейские глаголы выражением самого движения, которое передано с помощью глаголов *가다 kada* и *오다 oda*. Причина заключается в том, что, как было описано выше, в корейском языке местоположение говорящего и слушающего становится важным критерием, который позволяет точно определить их местоположение в пространстве. В русском языке данные критерии не являются существенными, и акцент ложится на выражение направления движения, что объясняет использование одного глагола. Рассмотрим это на примере движения по направлению в закрытое

пространство, которое может быть выражено глаголом *входить* в русском языке и глаголами *들어갔다 deureokada* и *들어오다 deureooda* в корейском языке:

1а) *Учитель вошёл в аудиторию.*

선생님이 교실에 들어갔어요. Seonsaengnimi gyosire deureokasseoyo.

1б) *Учитель вошёл в аудиторию.*

선생님이 교실에 들어왔어요. Seonsaengnimi gyosire deureowasseoyo.

Пример 1а) описывает ситуацию, где положение говорящего находится вне кабинета, который является закрытым пространством, и учитель, объект движения, переместился в аудиторию. В примере 1б) говорящий находился в классе, а объект движения – вне класса и затем переместился в местоположение говорящего. В русском языке используется только глагол *вошёл*, и основное внимание уделяется траектории движения в замкнутое пространство вне зависимости от местоположения говорящего.

Схожая ситуация наблюдается с глаголами, указывающими на направление движения из замкнутого пространства. В этом случае русскому глаголу *выходить* соответствуют корейские глаголы *나가다 nakada* и *나오다 naoda*.

2а) *Учитель вышел из аудитории.*

선생님이 교실에서 나갔어요. Seonsaengnimi gyosireseo nakasseoyo.

2б) *Учитель вышел из аудитории.*

선생님이 교실에서 나왔어요. Seonsaengnimi gyosireseo nawasseoyo.

Корейский пример 2а) показывает, что говорящий находился в замкнутом пространстве, а затем покинул классную комнату. Пример 2б) указывает на то, что говорящий находился за пределами классной комнаты, и учитель, объект движения, вышел из аудитории. В русском языке используется только глагол *вышел*, и положение говорящего можно интерпретировать в соответствии с контекстом. Таким образом, русский глагол *выходить* фокусируется на направлении движения из замкнутого пространства.

Следует также обратить внимание на состав глаголов *входить* и *выходить* и корейские глаголы *들어갔다 deureokada* / *들어오다 deureooda* и *나가다 nakada* / *나오다 naoda*. В корейском языке это сложнопроизводные глаголы, которые образуются путем сложения глаголов *들다 deulda* ‘вхо-

дять' / *나다* *nada* 'входить' и *가다* *kada* 'идти' / *오다* *oda* 'приходить'. *Входить* и *выходить* – производные глаголы. Добавление префикса *в-* / *вы-* к непроизводным глаголам *идти* / *ходить* указывает на направление движения (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Состав глаголов *входить* и *выходить*

Русский язык	Корейский язык
входить = префикс (в-) + непроизводный глагол (ходить)	들어-가다/들어-오다 = глагол들다 + глагол가다/오다
выходить = префикс (вы-) + непроизводный глагол (ходить)	나가다/나오다 = глагол나다 + глагол가다/오다

Рассмотрим передачу движения вверх и вниз. Для обозначения движения, направленного вверх или вниз, во многих случаях используются глаголы *오르다* *oreuda* 'подниматься' и *내리다* *naerida* 'спускаться'. Данные глаголы также используются в составе сложнопроизводных глаголов, где одна часть указывает на направление движения *오르다* *oreuda* – *내리다* *naerida*, а вторая часть – на само движение *가다* *kada* – *오다* *oda*. Например, *올라가다* *ollkada* – *올라오다* *olla-oda* в русском языке имеет один эквивалент 'подниматься', также глагол *내려가다* *naeryeokada* – *내려오다* *naeryeo-oda*, переводится как 'спускаться'. Рассмотрим следующие примеры:

3а) Учитель **поднялся** на третий этаж.

선생님이 3층으로 올라갔어요. Seonsaengnimi 3 cheungeuro ollakasseoyo.

3б) Учитель **поднялся** на третий этаж.

선생님이 3층으로 올라왔어요. Seonsaengnimi 3 cheungeuro ollawasseoyo.

При условии, что говорящий и являющийся объектом движения учитель изначально находились на первом этаже и учитель поднялся на третий этаж,

нам понадобится пример 3а). Ориентиром выступает говорящий. В случае с говорящим, находящимся на третьем этаже, и объектом движения, изначально находившимся на первом этаже, понадобится пример 3б). Ориентиром также является говорящий.

Аналогична ситуация с глаголом *спускаться*. Рассмотрим примеры:

4а) *Учитель спустился на первый этаж.*

선생님이 1층으로 내려갔어요. Seonsaengnimi 1 cheungeuro naeryeokasseoyo.

4б) *Учитель спустился на первый этаж.*

선생님이 1층으로 내려왔어요. Seonsaengnimi 1 cheungeuro naeryeowasseoyo.

В примере 4а) и говорящий, и объект движения изначально находились не на первом этаже. Затем объект движения спустился на первый этаж. В примере 4б) говорящий находился на первом этаже, а объект движения спустился к нему.

Таким образом, мы рассмотрели корейские и русские глаголы перемещения и значимые различия в их употреблении, которые влияют на выбор определенного глагола при переводе с русского языка на корейский. Мы выяснили, что при передаче семантики движения следует учитывать особенности восприятия корейцами движения в пространстве. Так, в корейском языке основополагающими ориентирами могут служить положение говорящего и слушающего в пространстве, а также сам объект движения. В русском языке критерием выбора глагола движения является ориентация на начальную или конечную точку движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. 조경운(2005) 영어권 한국어 학습자의 이동동사 '가다', '오다'의 사용 양상 연구. 석사학위 청구논문.
2. 이기동(1977), “동사 '오다' '가다'의 의미 분석”, 말 2, 139-160.
3. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 609 с. – (Studia philological).
4. Майсак, Т. А. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка: Языки динамического мира. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества человека «Дубна», 1999. – С. 53–66.

5. *Ни, Ж. В.* Особенности перевода глаголов движения в корейском языке / *Ж. В. Ни* // *Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе; Тихоокеанский гос. ун-т.* – Хабаровск, 2015. – С. 219–227.

6. 남혜현 (2004) 러시아어 이동동사의 의미연구 – *пойти, прийти* 를 중심으로. *슬라브어 연구* 9.

7. 진려봉 (2008) 한국어 동사 '오다' '가다'의 의미 연구. 석사학위논문. 서울대학교.

The article deals with the peculiarities of verbs of motion in Korean and Russian. The results of the comparative analysis suggest taking into account the position in space (in Korean) and the starting/ending point (in Russian) while rendering the semantics of verbs in question.

Научное издание

ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск *П. П. Глазко*

Редактор *Е. М. Бобровская*
Компьютерная верстка *Т. С. Соловьевой*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.